

64
55

доп.

801-14

2342

МАГИЧЕСКІЯ

ОЧКИ.

СОЧИНЕНІЕ

И. Мтевена.

ЧАСТЬ I.

Санктпетербургъ.

1845.

В П Е Д Р И Т А И

ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Марта 8-го 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

48935-41

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА.

2007334511

МАГИЧЕСКІЯ ОЧКИ.

ЛЯРО ВІЯВРИТАМ

О геній истины! дай кисти мнѣ и краски,
Спѣши со мной мои картины оживить:
Позволь сердца людей и лица ихъ безъ маселъ,
И мысль сокрытую, и страсти обнажить!:

О тѣмъ несправедливостяхъ, которые происходятъ въ жизни людей, и о томъ, какъ имъ можно избежать несчастій, и о томъ, какъ можно достигнуть счастья.

8

Въ небольшой комнатѣ, убранный весьма просто, горѣвшая лампада изливала слабый свѣтъ, удобный погрузить въ меланхолю, усилить воображеніе и память къ проишествіямъ жизни. Порывистый осенній вѣтеръ дулъ въ ветхія рамы; дождь съ крупнымъ градомъ и трескомъ стучалъ въ стекла,—все въ комнатѣ означало тоску и уныніе; огонёкъ въ каминѣ мелькалъ, переливаясь въ догорающихъ угольяхъ, постепенно уменьшался и угасалъ. «Подобно этимъ угольямъ угас-

нетъ и жизнь моя!» произнесъ уныло молодой человекъ, прекрасной наружности. Онъ сидѣлъ въ креслахъ противъ каминна и, послѣ восклицанія, продолжалъ:

«Къ чему служить просвѣщеніе, честность, доброта души въ нашемъ вѣкѣ? Какое имѣютъ назначеніе? Пустые звуки голоса въ воздухѣ! И кто произноситъ ихъ? — Лыстецы, искатели и вообще счастливыцы, довольные всѣмъ. Они окружены пріятелями, вездѣ извѣстны, приняты; ихъ никто не спроситъ, какимъ случаемъ отыскана ими fortuna? — Да и зачѣмъ не всѣхъ обременяютъ подобными вопросами, а только пользуются избыткомъ ихъ, не спрашивая о средствахъ пріобрѣтенія? Притомъ, не всякой можетъ рассказать, если еще имѣетъ частицу краски на лицѣ: это имѣніе досталось мнѣ въ наслѣдство, или пріобрѣтено трудами многихъ лѣтъ. — Такъ, эти люди живутъ въ довольствѣ, благоденствуютъ, а я!...

продолжалъ Розальмъ (имя хозяина дома). Весьма жаль, что исчезли баснословныя времена, когда гении, добрые и злые духи, имѣли вліяніе на судьбу людей: — тогда-бъ я попросилъ какого-нибудь совѣтнаго дьявола помочь мнѣ, а при невозможности, задушить тѣхъ негодяевъ, которые на счетъ мой сооружили инимое счастье свое! Но лампада моя тухнетъ, огонь въ каминѣ догораетъ. Многие смѣются надъ тѣми, которыхъ заставили плакать... чертей нѣтъ!...

— Ты ошибся, произнесъ изъ-подъ полу голосъ: мы существуемъ. Если тебѣ угодно прочесть три таинственныя буквы, означенныя краснымъ карандашемъ на столѣ, то я, одинъ изъ подземныхъ жителей, явлюсь къ твоимъ услугамъ.

«Что это значитъ?» вскричалъ Розальмъ: вѣрно, я сплю, или разстроенное воображеніе играетъ мною, и не существу-

ющее въ порядкѣ вещей представляется возможнымъ!» — Онъ поспѣшно беретъ свѣчу, заимствуетъ свѣтъ отъ лампы, смотритъ на столъ, видитъ означенное число таинственныхъ буквъ, съ трепетомъ, машинально произноситъ. . . . и ужасное привидѣніе останавливаетъ его въ бездѣйственномъ положеніи.

Существо, подобное человѣку, средняго роста, на козьихъ ногахъ, до половины косматое, въ модномъ фракѣ фіолетоваго цвѣта, съ маленькими на головѣ рожками, посредственной величины хвостомъ, — подходитъ къ окаменѣлому Розальму и, отвѣсивъ танцмейстерскій поклонъ, произнесъ съ учтивостію: — Я Чортъ! готовъ къ услугамъ вашимъ; извольте приказывать: все, что вамъ угодно, я исполню въ точности.

— Но вы отъ страху стучите зубами какъ въ лихорадкѣ. Опомнитесь, г. Розальмъ! Взгляните на меня пристально, и

согласитесь, что, проживъ тридцать лѣтъ на свѣтѣ, конечно, видѣли отвратительнѣе моей наружности, а именно: въ театрѣ, или маскарадѣ, гдѣ ищутъ чести поддѣлываться къ нашимъ образинамъ. Успокойтесь, сударь, и будьте увѣрены, что я готовъ служить вамъ безъ всякихъ условій на душу. Вы мнѣ оказали услугу, — а подземные жители лучше васъ умѣютъ цѣнить благотвореніе.

Дьяволъ говорилъ пріятно, имѣлъ голосъ увѣрительный. Розальмъ, осматривая пришлеца, началъ приходить въ себя и вспомнилъ, что видѣлъ рожи гораздо ужаснѣе и которыя не имѣли столь убѣдительнаго органа. Онъ сталъ оправляться, а полукосматый гость, разложивъ въ каминѣ огонь, поднялъ упавшую свѣчу, поставилъ ее на столъ, посадилъ Розальма въ кресла, занявъ другое напротивъ.

«Итакъ, это не мечта? сказалъ Розальмъ: ты, конечно, духъ благодѣтельный, пришелъ утѣшить меня; но скажи, какъ это случилось? Точно ли въ природѣ есть особенныя существа, которыя имѣютъ вліяніе на участь человѣка? Наши ученые, испытатели и здравый разумъ показываютъ противное.»

— Въ томъ-то и дѣло: ваши испытатели большею частію бредятъ, испытывая природу въ отношеніяхъ, гдѣ она совершенно закрыта. Не отнимая умъ у человѣка, скажу, онъ стремится къ различнымъ предметамъ: къ высотѣ небесной, къ непроницаемымъ безднамъ, различаетъ свѣтила, даетъ названія, мѣру и теченіе планетамъ. Я замѣчу о тѣхъ, которые, не понимая теоріи истины, передвигаютъ по-своему луну и звѣзды, населяютъ по произволению народами, касаются начала, не имѣвъ понятія о настоящемъ, утверждаютъ догадки и пред-

положенія за неоспоримую истину, однимъ словомъ: мечтаютъ открыть то, что Великій Строитель оставилъ вѣчно-закрытымъ. И такъ, большая часть вашихъ испытателей подобна дѣтямъ: малютки играютъ въ жмурки съ завязанными глазами, прислушиваются къ стуку, ловятъ своихъ товарищей и, наткнувшись на дверь или печку, оканчиваютъ игру съ разбитыми носами.

— Относительно жъ разсудка, то слѣдуетъ вопросъ: можно ли во всѣхъ отношеніяхъ руководствоваться имъ? Согласись, онъ рѣдко сближался съ тобою, и всѣ твои несчастія произошли отъ двухъ противоположныхъ причинъ; гдѣ необходимость заставляла сближаться съ нимъ, то, вспомнивъ первыя неудачи, ты дѣйствовалъ безъ помощи разсудка. Я приведу въ примѣръ одно происшествіе изъ твоей жизни. Однажды вельможа, начальникъ твой, пригласивъ тебя въ кабинетъ,

поручилъ рассмотреть и привести въ ясность одно запутанное дѣло; этотъ вельможа не зналъ содержанія, а только наскучивъ просьбами и желая избавиться отъ просителей, кажется, первый разъ въ жизни, приказалъ составить безпристрастное заключеніе. Ты съ самонадѣяніемъ вышелъ изъ кабинета, гордился довѣренностію, какъ вдругъ въ дверяхъ встрѣтилъ пружину, управляющую твоимъ патрономъ: это былъ секретарь; онъ остановилъ тебя и съ учтивостію замѣтилъ, что г-нъ Б. извѣстенъ ему съ лучшей стороны, а проситель N. пустой вздорщикъ и напрасно утруждаетъ превосходительную особу. Рассмотрѣвъ существо дѣла, ты нашелъ совсѣмъ противное, и что другъ секретаря бездѣльникъ, ограбилъ соперника и самъ пустился въ доносы, въ увѣренности, что проситель во всякомъ случаѣ имѣетъ преимущество надъ отвѣтчикомъ. Ты, какъ человекъ добрый,

наклонный къ справедливости, притомъ, желая блеснуть способностями, исполнилъ превосходно порученіе, обнаружилъ истину, защитилъ невинность и представилъ трудъ свой, въ увѣренности заслужить благосклонное вниманіе. Чѣмъ же кончилось? Вельможа не читалъ твоей ораторіи, а поручилъ рассмотреть секретарю. Тотъ исполнилъ: составилъ рецензію, что «ты дѣйствовалъ пристрастно-глупо и даже не понялъ существа дѣла» — и такой сдѣлалъ отпечатокъ твоимъ способностямъ, что начальникъ назвалъ тебя неблагонадежнымъ чиновникомъ, бросилъ огромную тетрадь, приказалъ, если не хочешь лишиться мѣста, переименовать дѣло и оправдать г-на Б. Получивъ столь лестное привѣтствіе, ты взялся за другую методу и, въ угодность секретаря, бездѣльника выставилъ примѣромъ честности, а бѣдняка, котораго прежде защищалъ — преступникомъ и вред.

нымъ человѣкомъ. Второе твореніе показалось превосходнымъ начальнику; онъ улыбнулся пріятно, кивнулъ головою и сказалъ: «Благодарю, сударь! Вы оправдали вполнѣ довѣріе и теперь можете видѣть, какъ я люблю справедливость: она составляетъ честь моему званію и лицамъ, которыми я окружилъ себя.» Ты вышелъ съ поклонами изъ кабинета, встрѣтилъ секретаря; тотъ старался увѣрить въ дружескомъ расположеніи и готовности къ твоимъ услугамъ. Что-жъ вышло? Тебя по жалобѣ г. Н. предали суду. Здѣсь ты узналъ заднія крыльцы гг. судей, приказныхъ, и чрезъ нихъ, въ праздничные дни, имянины, брестины, пробирался съ нѣкоторыми печатными документами утверждать справедливость своего дѣла, и не прежде получилъ свободу, какъ лишился половины имѣнія. Теперь скажи: согласно ли съ разсудкомъ дѣйствовать противно желаніямъ секре-

таря вельможи? А рѣшась, можно ли отступить отъ своихъ правилъ и, не обдумавъ послѣдствій въ угодность временщика, подвергаться отвѣтственности? Но оставимъ это; я слишкомъ распространялся; приступимъ къ дѣлу. Ты несчастливъ, призывалъ духа... я здѣсь и готовъ къ твоимъ услугамъ. —

Въ продолженіе разсказа Розальмъ оправился совершенно, и увидѣвъ чорта весьма пріятнымъ и довольно разсудительнымъ, почувствовалъ къ нему какое-то сверхъестественное влеченіе и довѣренность; ужасная наружность показалась ему не столь страшною и отвратительною. — «Скажи, непостижимое существо, сказалъ Розальмъ, почему ты принимаешь участіе въ судьбѣ моей? какую я тебѣ оказалъ услугу? открой мнѣ твое имя и что понудило предстать ко мнѣ, оставленному цѣлымъ міромъ? Теперь я увѣрею

нымъ человѣкомъ. Второе твореніе показалося превосходнымъ начальнику; онъ улыбнулся пріятно, кивнулъ головою и сказалъ: «Благодарю, сударь! Вы оправдали вполне довѣріе и теперь можете видѣть, какъ я люблю справедливость: она составляетъ честь моему званію и лицамъ, которыми я окружилъ себя.» Ты вышелъ съ поклонами изъ кабинета, встрѣтилъ секретаря; тотъ старался увѣрить въ дружескомъ расположеніи и готовности къ твоимъ услугамъ. Что-жъ вышло? Тебя по жалобѣ г. Н. передали суду. Здѣсь ты узналъ заднія крыльцы гг. судей, приказныхъ, и чрезъ нихъ, въ праздничные дни, именины, крестины, пробирался съ нѣкоторыми печатными документами утверждать справедливость своего дѣла, и не прежде получилъ свободу, какъ лишился половины имѣнія. Теперь скажи: согласно ли съ разсудкомъ дѣйствовать противно желаніямъ секре-

таря вельможи? А рѣшась, можно ли отступить отъ своихъ правилъ и, не обдумавъ послѣдствій въ угодность временщика, подвергаться отвѣтственности? Но оставимъ это; я слишкомъ распространился; приступимъ къ дѣлу. Ты несчастливъ, призывалъ духа... я здѣсь и готовъ къ твоимъ услугамъ. —

Въ продолженіе разсказа Розальмъ оправдился совершенно, и увидѣвъ чорта весьма пріятнымъ и довольно разсудительнымъ, почувствовалъ къ нему какое-то сверхъестественное влеченіе и довѣренность; ужасная наружность показалась ему не столь страшною и отвратительною. — «Скажи, непостижимое существо, сказалъ Розальмъ, почему ты принимаешь участіе въ судьбѣ моей? какую я тебѣ оказалъ услугу? открой мнѣ твое имя и что понудило предстать ко мнѣ, оставленному цѣлымъ міромъ? Теперь я увѣренъ

что видимое мною не есть мечта или дѣйствіе разстроеннаго воображенія.»

— Изволь, я удовлетворю твое любопытство; хотя рассказ довольно продолжителенъ, однакожь онъ необходимъ. Слушай:

— Имя мое Мафусъ; постоянное жилище въ аду, приватное — вездѣ. Давно я не видѣлъ свѣта и не обращался съ людьми, но извѣстенъ о всѣхъ происшествіяхъ міра; хотя не участвую въ немъ, а находится безъ дѣйствія — есть для насъ самое ужасное положеніе. Ты меня вызвалъ и тѣмъ оказалъ услугу. Такія явленія теперь рѣдки, да и чертей на свѣтѣ мало. Вы столько просвѣтились, столько изобрѣли пороковъ, что въ насъ болѣе нѣтъ надобности; и многіе изъ моихъ товарищей съ охотою пойдутъ къ вамъ въ ученики. Причина жь бездѣйствія духовъ за предѣлами Коцита есть слѣдующая:

съ размноженіемъ людей мы стали выходить изъ предѣловъ вѣчнаго мрака; но первые успѣхи, размножить зло, были весьма ограничены; люди или дѣти дикой природы съ малымъ понятіемъ, ограничивались пятью чувствами, которыя служили единственнымъ побужденіемъ всѣмъ дѣйствіямъ единообразной жизни, и только необходимый даръ слога и врожденная хитрость давали имъ преимущество надъ другими животными, а потому и страсти имѣли ограниченныя; дѣйствуя натуральными побужденіями, право естественное составляло ихъ общій законъ. Итакъ, если сильный убивалъ слабого, то это не означало нашего торжества, и относилось къ простому и общему дѣйствію времени и недостатку понятія. Ты пожимаешь плечами? тебѣ кажутся странны, непріятны слова мои... Слушай, сравненіе готово. Напримѣръ, если человекъ неумышленно свершилъ

убійство, то онъ еще не преступникъ; равно и дикарь, живущій въ лѣсу, когда почувствуетъ голодь, а съ нимъ желаніе отнять пищу или женщину, принадлежащую другому, если этотъ дикарь убьетъ сосѣда, то не можетъ почесаться совершеннымъ злодѣемъ: онъ не можетъ понять великости преступленія, не умѣетъ цѣнить дара жизни, не можетъ себя ограничить, и, побуждаемый голодомъ, страстію, внезапнымъ гнѣвомъ, или препятствіемъ, наноситъ машинально смертельный ударъ, не разсуждаетъ о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе, что законы еще не существовали и ни что не ограничивало поступковъ, которые, согласно времени, казались натуральными и....

«Остановись, Мафусъ! Ты рисуешь самую адскую картину людей перваго вѣка! Я увѣренъ, что они имѣли натуральный умъ, склонность къ добру, а ты даешь одно только звѣрство, приличное животнымъ!

Ты противорѣчишь себѣ; и если полагаешь добро и зло нераздѣльными, то я не вижу ни малѣйшей частицы добра, а одно зло.»

— Напротивъ, я изображаю все въ настоящемъ видѣ. Тебѣ кажется невозможнымъ, чтобы человекъ дикій, не ограниченный законами, не имѣя общества, связей семейства, убивалъ себя подобнаго. Хорошо; оставя весьма частые примѣры, я приведу одинъ. На прошедшей недѣлѣ молодой, воспитанный человекъ, извѣстный моднымъ просвѣщеніемъ, нравственностію, застрѣлил на дуэли товарища. Свершивъ утромъ убійство, онъ поѣхалъ обѣдать въ гости, потомъ въ театръ, изъ театра на балъ, гдѣ прыгалъ до разсвѣта, за ужиномъ выпилъ нѣсколько бокаловъ вина, пріѣхалъ домой, легъ спокойно спать, а на другой день гордился своимъ поступкомъ, какъ героическимъ мщеніемъ чести, хотя о

последней не имѣлъ понятія. Теперь скажи мнѣ: кто болѣе злодѣй — дикій или современникъ твоего вѣка? При томъ, жестокости первыхъ людей, если разсмотрѣть безпристрастно, ничто въ отношеніи настоящихъ: тогда секунда, одинъ ударъ оканчивалъ все; а теперь изобрѣтены средства томить дни, мѣсяцы, годы, терзать на каждомъ шагу, разорять, грабить, приводить въ нищету и съ усмѣшкою смотрѣть, какъ несчастное семейство исчезаетъ отъ бѣдности и отчаянія, словомъ, теперь приготавливаютъ ко всѣмъ ужасамъ смерти, давъ время оплакать несчастное бремя жизни.

Розальмъ не могъ сыскать возраженія; онъ вздохнулъ, вспомнивъ, какъ съ нимъ поступили, и духъ продолжалъ:

— Наконецъ люди стали постепенно совокупляться въ общества; но какъ зло впустило ядовитыя сѣмена въ разумъ,

начинающій выходить изъ дремоты, то люди раздѣлились на отдѣльныя частицы, учредили первоначальныя власти, для обузданія самихъ себя и къ защитѣ отъ сосѣдей.

— Я остановлюсь повѣствованіемъ размноженія и устройства народовъ тѣмъ, что Египетъ сталъ колыбелью наукъ и художествъ, и мы не остались безъ дѣла: разумъ, готовый къ дальнѣйшему просвѣщенію, старались въ самомъ началѣ наполнить зломъ.

— Первые греки стали ревностными послѣдователями Египтянъ; Аѳины Оивы, Спарта возникли внезапно; науки и художества исполинскими шагами входили въ пустыя и необитаемыя мѣста: показались люди, которые посвятили себя отечеству, и, заглушивъ страсти въ самомъ началѣ, явили примѣръ разума, правоты и тѣхъ подвиговъ, которымъ и понынѣ отдается справедливость. Архистиды, Лео-

нды, Эпаминонды, Тимоны, Сократы и многіе имъ подобныя, они въ мірѣ и войнѣ остались непоколебимы; скромность и добродѣтель этихъ великихъ мужей, совокупныя съ героическою твердостью, ставили препоны нашимъ усиліямъ. Одна Спартанская Республика, этотъ клочекъ земли, приводила въ изумленіе весь адъ. Наконецъ мы вооружили Персовъ: сотни тысячъ робкихъ, изнѣженныхъ воиновъ наводнили Грецію, Они по наружности готовились поглотить землю героевъ, напротивъ, они, побѣжденные, со стыдомъ бѣжали въ отечество. Но побѣда Грековъ, Оермопильская битва послужила только къ пагубѣ ненобѣдимыхъ: Персы оставили сѣмя разврата, — оставили золото: этотъ пагубный металлъ колебалъ Грековъ. Спартанцы, эти мужественные герои, обнажившіе мечи для защиты общаго блага, стали наемщиками. Афиняне и прочіе Греки превра-

тились въ барышниковъ; развратъ, корысть и всѣ пороки истребили героевъ и только оставили одно воспоминаніе и неумѣстную гордость возноситься достоинствами предковъ.

— Не имѣвъ у Грековъ болѣе дѣла, мы обратились къ возникшему Риму, и труды наши увеличились: мы нашли непоколебимую добродѣтель. Римляне, одушевленные однимъ чувствомъ любви къ республикѣ, часто доказывали опытомъ, что истинная любовь къ отечеству, твердость нравовъ, мудрость, не зараженная ложными понятіями, превозмогаетъ всѣ препоны; и Римъ, часто на краю пропасти, лишенный всѣхъ пособій, возрасталъ самъ собою; добродѣтель и мужество гражданъ составляли непроницаемый оплотъ бѣдствіямъ войны, голода, заразы и нашихъ ухищреній.

— Тутъ мы снова употребили золото. Скоро этотъ пагубный металлъ развратъ

тль державу извѣстнаго тогда міра. Съ нимъ возникли: алчность, обманъ, честолюбіе, и всѣхъ родовъ преступленія— не стало Камилловъ, Катоновъ и Фабіевъ, — не стало диктаторовъ и консуловъ, которымъ не жизнь, а отечество были драгоценны — исчезли горделивые республиканцы, которые жили для славы, а не для жизни. Мѣста людей заступили Тиверіи, Калигулы, Нероны и подобные имъ. За мѣсто честности явилось предательство, и народъ, бывшій предметомъ уваженія, постепенно приходя въ упадокъ, потерялъ величіе свое.

— Такъ пролетая вселенную, мы размножали зло, и быстрые успѣхи превзошли нашу надежду; все, къ чему ни прикасались, стало заражено порокомъ и означало наше торжество.

Протекали вѣка древности, настали новѣйшія; зло, пороки, страсти еще болѣе умножились — и повелитель тартара,

опасаясь, чтобъ мы не стали подражать людямъ, велѣлъ намъ возвратиться въ постоянное свое жилище.

— Теперь ты видишь, любезный Розальмъ, что я долго оставался въ бездѣйствіи, сожалѣлъ о потерянной свободѣ обращаться съ людьми. Наконецъ повелитель тьмы позволилъ намъ снова выходить на свѣтъ, но только по одному, и не иначе какъ съ приглашенія человека, который имѣетъ въ насъ нужду.— Онъ хотѣлъ узнать, нѣтъ ли новыхъ изобрѣтеній, не извѣстныхъ еще въ аду. Мы бросили жеребій, очередь пала на меня. И такъ, вызванный тобою, считаю долгомъ служить моему избавителю.

Здѣсь Мафусъ окончилъ повѣсть, пожалъ дружески у Розальма руку; тотъ восхищался внезапнымъ пособіемъ и разсказами посѣтителя. «Скажи, почтенный духъ, произнесъ онъ! ты извѣстенъ о всѣхъ происшествіяхъ съ начала міра! Ко-

нечно, знаешь о моемъ несчастіи, Ахъ! облегчи участь мою, и...»

— Изволь, и начну тѣмъ, что покажу тебѣ людей въ настоящемъ видѣ, безъ всякой прикрасы. Ты увидишь, сколь наружность ихъ обманчива, и что истинное счастье рѣдко на землѣ. Ты увидишь, что люди большею частію актеры, и затвердивъ роли, дѣйствуютъ согласно времени, обстоятельствамъ, и только снимаютъ маску, когда опустится занавѣсъ послѣдней сцены ихъ жизни. Я тебя увѣрю, что нѣтъ постоянства, и что по наружности превосходно, то въ существѣ, если разсмотрѣть безпристрастно, окажется зломъ.

«Извини; при всемъ несчастіи, я думаю иначе, и даже увѣренъ, что существующій порядокъ въ мірѣ не состоитъ изъ ничтожества и зла.»

— Кто спорить о томъ! Но люди, не только обыкновенные предметы, да и са-

мые превосходные такъ обезобразили, что трудно постигнуть настоящій источникъ имъ. Но зачѣмъ терять время въ бесполезномъ сужденіи? Теперь только семь часовъ, отъ города съ небольшимъ сто верстъ, въ полчаса мы домчимся въ предмѣстіе.— Духъ схватилъ пріятеля за руку, и въ означенное время очутился съ нимъ близъ первой заставы города.

Розальмъ, изумленный столь быстрымъ и необыкновеннымъ путешествіемъ, на силу могъ перевести духъ, и нѣсколько оправаясь, спросилъ: «Вотъ мы здѣсь! Что жъ я долженъ дѣлать?»

— Приступить къ испытанію, и на этотъ вечеръ весьма къ небольшому. Теперь поздно; однако жъ и въ столь короткое время разсматривай все философическими глазами, а впоследствии носѣшай бѣдныя хижины, великолѣпные чертоги, разсматривай людей въ настоящемъ ви-

дѣ, слушай разговоры, сравнивай, согласенъ ли языкъ и наружныя дѣйствія съ побужденіемъ сердца. Римскій Фабій наблюдалъ шаги великаго Аннибала. Подобно ему ты наблюдай за людьми.

«Превосходно! Ты забылъ главное. Я сослапъ въ маленькую мою деревушку, нахожусь подъ надзоромъ земской полиціи; если меня узнаютъ, то схватятъ и снова....»

— Упрячутъ въ тюрьму? Не безпокойся: я все предвидѣлъ и устроилъ въ твою пользу. Вотъ (духъ вынулъ изъ кармана очки, оправленные въ золото), возьми! ты будешь невидимъ и неслышимъ, а если обратишь на кого взоры, украшенные этимъ талисманомъ, то мысли и чувства человѣка будутъ открыты передъ тобою: ты прочитаешь ихъ.

— Эту драгоценность изобрѣлъ одинъ знаменитый оптикъ. Если бъ человѣкъ удалялся, котораго ты хочешь разсмо-

трѣтъ, то очутится въ глазахъ твоихъ листокъ и ты узнаешь все. Онъ тридцать лѣтъ трудился надъ магическими стеклами, и свершивъ трудъ, спѣшилъ воспользоваться имъ. Укрѣпивъ очки на маленькій носъ свой, побѣжалъ въ городъ, — смотрѣлъ, слушалъ, вникалъ въ сердце человѣка, и уставъ, поспѣшилъ къ своему дому; не дошедъ двадцати шаговъ, остановился, перевелъ духъ и разсуждалъ самъ съ собою. Благодарю васъ, чудныя очки! Вы открыли мнѣ много — какіе люди, какіе нравы! Вездѣ лесть, обманъ, предательство! Тамъ скупость, тамъ роскошь, тутъ скрытный разговоръ, тамъ явный; въ одномъ мѣстѣ нищета, въ другомъ изобиліе; въ одномъ домѣ смѣются, въ другомъ плачутъ — а мужья? Бѣдные мужья! Какія вы играете жалкія роли. Благодарю судьбу! Я доволенъ счастливъ, имѣя милую, вѣрную жену, имѣя друга. Адольфъ преданъ мнѣ, я

взялъ его сиротою, воспиталъ; онъ за-
мѣнилъ мнѣ сына, помогаетъ въ трудахъ,
и столь необходимъ въ семействѣ. Жаль
только, что въ теченіе пяти-лѣтняго бра-
ка не имѣю дѣтей. Поспѣшимъ, разека-
жемъ женѣ, Адольфу все, что я видѣлъ,
слышалъ; они посмѣются со мною.

Оптикъ въ восторгѣ бѣжитъ къ дому,
дергаетъ шнурокъ, стучитъ въ двери. Кла-
ра второпяхъ открываетъ и не видитъ ни-
кого: супругъ ея забылъ снять очки и
оставался невидимъ. «Что это значитъ?»
сказала жена, вѣрно кто нибудь пошу-
тилъ, дернулъ за шнурокъ и ушелъ. Она
возвратилась въ спальню; мужъ оптикъ,
въ очкахъ, за нею. «Кто стучался?» спро-
силъ Адольфъ?— Не знаю.— «Досадно, от-
вѣчалъ молодой человекъ, однако жъ, ми-
лая, возобновимъ начатый разговоръ:
намъ должно подумать о себѣ. Мнѣ на-
скучило угождать вздорному старику. Ку-
сокъ хлѣба, который онъ даетъ, стано-

новится слишкомъ солонъ! Знаешь что?
Уѣдемъ на мою родину—тамъ заведемъ
свое хозяйство и станемъ жить припѣ-
ваючи. Что ты на это скажешь, милая
Клара?»

— Что скажу! Это мысли мои, мнѣ
наскучило обманывать и ласкать человѣ-
ка, котораго не люблю, и начинаю не-
навидѣть. Одно меня удерживаетъ: если
ты увезешь меня и оставишь?

«Никогда, моя милая, прелестная Клара!
никогда.— Любовь моя окончится съ жиз-
нію!» — Онъ страстно поцѣловалъ вѣрную
супругу и прижалъ къ груди.

Оптикъ остолбенѣлъ; стыдъ, досада,
ревность оковали въ немъ чувства; онъ
не имѣлъ силы пошевелиться и снять
очки. Клара, затворивъ дверь, броси-
лась въ объятія любовника; мужъ вздро-
гнулъ, бѣшенство овладѣло имъ; неволь-
ный крикъ вырвался изъ груди—но этимъ
не окончилось; въ углу стояла половая

щетка; онъ схватилъ ее, подбѣжалъ къ предателямъ, и сталъ наносить удары, не разбирая мѣста. Представъ, Розальмъ! увасъ Клары и Адольфа: они слышали знакомый голосъ, видѣли, что щетка сама-собою надъ ними работала. Это случилось весьма натурально: мужъ невидимо размахивалъ руками, итакъ только видѣлась одна щетка. Они со страху не могли кричать, и не видѣли предъ кѣмъ защищаться. Несчастный мужъ, удовлетворивъ мщеніе, пошелъ въ свою комнату, бросился въ кресла, снялъ пагубныя очки, и по маломъ молчаніи произнесъ. «Дуракъ! дуракъ! работать тридцать лѣтъ, составить эти стекла,—за чѣмъ? чтобъ увидѣть, какъ меня обманываетъ жена! Чортъ возьми проклятыя! Давно ли я съ ними смѣялся надъ мужьями, а теперь.... Теперь что мнѣ дѣлать? Я поколотилъ ихъ жестоко — они догадаются. Я открылъ имъ мое изобрѣтеніе; ста-

нуть просить, и меня же обвинять, осмѣютъ. Сдѣлаемъ иначе—прекратимъ торжество злодѣевъ; не большой избытокъ мой не послужитъ имъ въ пользу.»

Онъ всталъ, выпуль изъ комода банковые билеты, ассигнаціи золота, и серебро; первая жжогъ, втория отнесъ въ мастерскую и, раздавъ жалованье работникамъ, возвратился къ себѣ. На каминѣ стояло нѣсколько пузырьковъ со спиртами, онъ выбралъ самый крѣпкій, налилъ стаканъ, выпилъ и сказалъ: «Теперь женѣ не нужно отпирать дверь въ прихожей—пускай отпереть эту.» Онъ положилъ очки за пазаху и присовокупилъ. «Чортъ мнѣ помогъ выдумать васъ! Такъ пойдите жъ къ нему вмѣстѣ!» Онъ легъ на софу и скоро съ изобрѣтеніемъ своимъ пожаловалъ къ намъ.

— Вотъ, Розальмъ, какую я тебѣ доставилъ драгоценность. Пользуйся ею, ступай въ городъ, не снимай очковъ—вся-

кая дверь незамѣтно предъ тобой отворится, и если я тебѣ буду нуженъ, то произнеси только мое имя, и я мгновенно явлюсь предъ тобою.

Розальмъ вошелъ въ городъ и сказалъ: «Что это? Домъ освѣщенъ! вездѣ люстры, свѣчи! Кажется, играютъ на инструментахъ. Фонарь при самомъ входѣ. А—а! это трактиръ! Прочитаемъ названіе: Европа!—Европа! повторилъ Розальмъ. Не большое жъ она занимаетъ пространство! Войду — и судя по вывѣскѣ, увижу различныхъ націй людей.»

Невидимка — испытатель очутился въ трактиръ, и первый взоръ обратилъ на маркиганта. Этотъ человекъ, высокій, плечистый, рыжій, имѣлъ засученныя рукава, въ красной рубахѣ, онъ большимъ ножомъ проворно отрѣзывалъ куски ветчины, телятины, дробилъ дичь и укладывалъ на тарелки порціями, а мальчишки проворно разносили посѣтителямъ.

«Тутъ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ неопрятной маркигантской и рыжаго мужика; пойдѣмъ къ буфету.» Здѣсь показался ему низенькій человекъ съ приглаженными черными волосами; онъ проворно клалъ на блюдечки маленькіе куски сахара, передавалъ служителямъ съ чайнымъ приборомъ. Въ большомъ стеклянномъ шкафу стояло множество штофовъ, графиновъ, бутылокъ съ водками и винами.

— Подай настойки и селянку, перехватить, а тамъ спросимъ пуншту.—Розальмъ обратилъ вниманіе и увидѣлъ, что стройный молодой мужчина въ прекрасномъ фракѣ готовился угощать пріятелей. Этотъ человекъ, судя по наружности, не долженъ бы находиться въ такой бесѣдѣ. «Ну, очки! откройте мнѣ мысли и чувства людей, которыхъ здѣсь вижу!» И въ нѣсколько секундъ очутился въ рукахъ его

листъ исписанной бумаги; онъ сѣлъ въ уголъ и читалъ.

«Наружность весьма обманчива—этотъ молодецъ не тотъ, чѣмъ кажется; онъ дворовый человѣкъ; назадъ тому три дня обокралъ своего помѣщика, бѣжалъ, проматываетъ здѣсь деньги, пока не истощитъ кошелекъ свой. Два оборванных негодяя, съ которыми онъ познакомился, стараются опорожнить карманы вора.— На правой сторонѣ у окна сидятъ важно четыре человѣка; они промышляютъ сочиненіемъ бумагъ; за рубль готовы писать всѣмъ и на всѣхъ, не спрашивая о существѣ дѣла.— На лѣвой сторонѣ, за чайнымъ столомъ, покрытымъ грязною скатертью, нѣсколько человѣкъ шепчутся между собою—это мелочные торговцы ветошей: они собираются въ харчевни и трактиры, узнавать, нѣтъ ли какой покупки, и платятъ за нее десятую часть цѣны. Должно отдать справедливость этимъ

артистамъ: у нихъ всякая вещь въ два или три часа перемѣняетъ свой видъ.» Розальмъ, продолжая читать, увидѣлъ въ отворенную дверь новую сцену: два пьяные канцеляриста потузили выгнато изъ службы секретаря; за него вступились нѣсколько бродящихъ мѣщанъ и лакеевъ — онъ писывалъ имъ просьбы. Сторону канцеляристовъ держали трое бродягъ, а вторую нѣсколько извозчиковъ.— Тутъ нѣтъ любопытнаго, подумалъ испытатель, и прилично мѣсту, гдѣ происходитъ дѣйствіе.— Онъ пошелъ съ третью комнату и увидѣлъ совсѣмъ другое: музыкантъ лубочнаго театра игралъ на скрипкѣ, другой на балалайкѣ, человѣкъ десять припѣвали, хлопая въ ладоши, крича славно, славно, красавица! продолжай!—Онъ опладировали смугловатой девченкѣ, плясавшей по-цыгански.

Розальмъ оглядывалъ этихъ людей, и вдругъ человѣкъ, опрятно одѣтый, съ

важностію вошелъ въ комнаты; служители трактира кланялись ему, почтительно спрашивая, не угодно ли ему чего нибудь выкушать. Это чиновникъ! подумалъ невидимка. Какъ ему не стыдно находится въ этомъ мѣстѣ? Посмотримъ!» Онъ обратилъ къ нему взоры, и скоро прочитавъ мысли, увѣрился, что званіе не препятствуетъ ему посѣщать трактиры и многія въ подобномъ родѣ заведенія, дружитья съ содержателями ихъ. — Невидимка прошелъ всѣ комнаты втораго этажа, и услышалъ шумъ многихъ голосовъ въ нижнемъ, спустился съ лѣстницы, отперъ первую дверь и увидѣлъ, такъ называемое, черное отдѣленіе. Тутъ нѣсколько человекъ поденщиковъ, толпа пьяныхъ женщинъ, пили шумѣли и дрались. Это зрѣлище ему не понравилось. Онъ оставилъ трактиръ, и только очутился на улицѣ, увидѣлъ множество ка-

ретъ и колясокъ, имѣвшихъ направленіе за городъ.

«Любопытно знать, куда спѣшать эти экипажи? Теперь уже девять часовъ.» И въ эту минуту новый листъ очутился въ его рукахъ. Онъ читалъ:

«Эта компанія торопится на балъ къ одному фабриканту, живущему на дачѣ. Онъ построилъ заведеніе въ долгъ, заложилъ въ частныя руки, и вдругъ фабрика сгорѣла. Съ великимъ трудомъ открыли, что пожаръ случился нечаянно, и честный фабрикантъ разорился совершенно. Совѣстный Нѣмецъ отдалъ залогодателю пустую землю и обгорѣлыя бревна, и имѣвъ значительную сумму денегъ, теперь угощаетъ своихъ покровителей и тѣхъ добрыхъ людей, которые помогали ему въ невинномъ приобрѣтеніи.»

«Признаюсь, сказалъ испытатель, это удивительно,—и новое средство къ обо-

гашенію. Однако жъ мнѣ странно, что пирушка начинается такъ поздно. Если гости соберутся къ десяти часамъ, то на-вѣрное поѣдутъ домой въ осьмомъ утра. Впрочемъ тутъ нечему удивляться: есть люди, подобные летучимъ мышамъ; послѣднія, чтобъ скрыть свою гнусность, убѣгаютъ свѣта, и показываются только въ темнотѣ. Пойдемъ далѣе въ городъ.—А! я слышу въ лѣвой сторонѣ улицы множество голосовъ; точно басы, тенора и дишканты поютъ застольную пѣсню.»—Онъ подошелъ ближе, увидѣлъ винный погребъ; дверь предъ нимъ отворилась и Розальмъ остановился въ удивленіи.

Человѣкъ до тридцати различныхъ сословій находились въ погребу; дюжина изъ нихъ вокругъ стола, наполненнаго бутылками и стаканами, пѣли и пили, шестеро въ разныхъ мѣстахъ сп-

дя и лежа спали, двое плясали, трое дрались, а четверо играли въ кости.

— Чортъ меня возьми! кричалъ первый, если осталась хоть одна полушка—все проигралъ. Ну. Пахомъ Понкратъевичъ! вотъ табакерка—мечи кости!

«Выдумка не дурна—отвѣчалъ второй, на эту дрянь ставить чистые деньги.»

— Лжешь! табакерка не дрянь. Точно, она роговая; однако жъ все стоитъ для меня много: я получилъ ее въ наследство отъ покойнаго дяди. Помнишь, онъ опился въ этомъ погребѣ.

«Хотя бъ отъ бабушки ворожеи, то не стану рукъ марать. Мнѣ нужны чистыя деньги. Моя Параша не любитъ, когда прихожу къ ней съ пустыми руками.»

— Провались ты съ нею въ адское дно! Я хочу отыграть мои деньги, или услужить тебѣ табакеркою. Она съ табакомъ. Поюхай. Чистый березинскій!

»Что за шумъ, господа, за табакерку и деньги! произнесъ басистый голосъ, завтра dokonчимъ!» — Правда! правда! повторило нѣсколько голосовъ. Мы люди трудящіеся, всегда можемъ имѣть копѣйку. Эй прикащикъ! вина! Завтра вечеромъ заплатимъ.

«Я не могу быть тамъ, гдѣ общалъ. Меня звали на богатые похороны. Какъ же пропустить такой случай?»

— А кто этотъ покойникъ, котораго ты станешь оплакивать за жирнымъ обѣдомъ и хорошими винами?

«Известный богачъ, — купецъ Добрынинъ.»

— А, знаю! Онъ надсматривалъ за домами, управлялъ имѣніемъ сиротъ и, кажется, счета выводилъ исправно. Покойникъ оставилъ коко съ сокомъ.

«Не въ томъ дѣло! Вы забыли зачѣмъ пришли сюда. Антонъ Ивановичъ далъ честное слово прочесть намъ исторію

своей жизни—она весьма любопытна; онъ мелькомъ рассказывалъ.»

— Да! да! Куда жъ онъ дѣвался? А вотъ въ углу дремлетъ. Вѣрно хватилъ на порядкѣ.—Товарищъ, вставай! Пора приняться за рукопись!

Человѣкъ лѣтъ шестидесяти, плотный собой, краснощекий, съ багровымъ носомъ и волосами съ просѣдью, всталъ съ мѣста и подошелъ къ пріятелямъ, началъ говорить.

«Я сдержу слово, прочитаю происшествіе моей жизни. Я теперь веселъ, и въ такомъ расположеніи духа, что готовъ исповѣдаться публично. Впрочемъ скажу предварительно: повѣсть моя не выдумка, я записывалъ каждый случай моей жизни, соединилъ, написалъ поучительную книгу, чтобъ оказать потомкамъ мою значительную услугу.» Онъ вытащилъ изъ-за пазухи большую тетрадь, сѣлъ на бочку верхомъ, надѣлъ очки, при-

двинулъ къ себѣ столикъ, наполненный бутылками и стаканами; товарищи въ различныхъ видахъ умѣстились вокругъ повѣствователя, Розальмъ увидѣлъ въ натурѣ дядьку сына Юпитера и Семелы, окруженнаго сатирами и фавнами. Къ нимъ не доставало однихъ только вакханокъ.

Розальмъ, увидѣлъ въ углу не занятый стулъ, сѣлъ и все вниманіе обратилъ къ повѣсти Антона Ивановича.

«Отецъ мой (царство ему небесное), былъ честный мѣщанинъ изъ города П... и до женитьбы находился въ крайней бѣдности; онъ служилъ работникомъ у купца мясной торговли, и всякое утро какъ навьюченная лошадь разносилъ по мѣстамъ товаръ свой — По наружности столь трудное, низкое занятіе составило ему счастье: бродивъ ежедневно по кухнямъ и людскимъ, онъ привыкъ къ разнымъ уловкамъ, шуткамъ, и вѣжливымъ

разговорамъ — особенно въ прихожихъ знатныхъ господъ, гдѣ, принимая ласково, рѣдко платятъ деньги и въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ просятъ отсрочки до послѣ-завтра. Иванъ Григорьевичъ Бычковъ (имя, отчество и фамилія отца) былъ плечистъ, высокъ, красивъ собою, и въ цвѣтушихъ лѣтахъ, молодая кухарка, горничная, а не рѣдко и сами госпожи не призирали имъ, и про калякивали, но нѣскольку времени, что покойнику весьма нравилось, особенно шутки одной богатой купеческой вдовы и умильные глазки ея. Какъ человекъ довольно образованный, онъ составилъ маленькій планъ, подтибрилъ у хозяина нѣсколько денегъ, побѣжалъ въ цирюльню, обрился, остригъ волосы, купилъ новую синюю сибирку, и съ помощію пріятелей, нарядился такимъ молодцомъ, что вдовушка ахнула, плѣнилась имъ совершенно, и скрытно отъ своей родни,

подарила ему руку, съ сердцемъ и большимъ приданымъ.

Итакъ батюшка Бычковъ внезапно сталъ богатъ, женатъ, и чрезъ семь мѣсяцевъ отцемъ — супруга увѣрила, что упавъ съ крыльца, отъ испуга преждевременно стала матерью. — Какъ заставить меня родиться вторично и позже было невозможно; то по необходимости онъ согласился съ богатой женой, которая не торопилась составить духовную, и я, недоносокъ, единственный наследникъ знаменитой четы, воспитывался со всевозможнымъ стараніемъ, и въ десяти лѣтній возрастъ совершенно былъ избалованъ.

Отецъ мой, по привычкѣ къ первой торговлѣ, завелъ собственныя лавки, онъ былъ всегда трезвъ, рачителенъ, расторопенъ, и въ короткое время умножилъ капиталъ; а матушка, считая деньги, разсудила воспитать меня не по породѣ, а по богат-

ству и сдѣлавъ съ мужемъ дурачество, отдали въ не извѣстное имъ училище. Они думали, что науки и образование необходимо нужны тому, кто родился скупать быковъ и продавать говядину. Съ такою рѣшительностію и умноженіемъ капитала, родитель мой вздумалъ зависаться въ купцы, и переимѣнить фамилію. Бычковъ — казалась ему не приличною и всегда напоминала старину.

Можно представить, какъ мнѣ понравилась новая жизнь, проклятая азбука, Латинская грамматика, и товарищи; послѣдніе смотрѣли на меня какъ на морское чудо, и точно, въ первый классъ меня притащили какъ мѣдвеженка, я барахтался руками и ногами до тѣхъ поръ, что меня заперли въ темный чуланъ. Одинъ только голодъ вытащилъ оттуда, усадилъ за книгу. Но привычка и необходимость все преодолеваютъ. Благодаря врожденному остроумію и памл-

ти, въ теченіе года я сталъ разбирать свободно буквы, и по переплету зналъ Латинскія и отечественныя книги, между тѣмъ сближался съ моими товарищами, думалъ низость породы замѣнить разными услугами и подарками, и приносилъ имъ часто лакомства.

«Содержатель училища казался строгъ къ моимъ проказамъ, а на успѣхъ ученія обращалъ вниманіе, не смотря, что ему платили деньги за тредь впередъ, всякій праздникъ присылали подарки, лучшую телятину и разную живность для стола; такія бездѣлки я выпрашивалъ и другимъ учителямъ, но изъ всѣхъ наставниковъ, меня особенно любилъ іезуитъ Шедоній, родомъ Италіанецъ. Онъ, оставивъ отечество, рѣдко надѣвалъ приличную званію одежду, и казался болѣе не существующимъ въ своемъ орденѣ. Шедоній преподавалъ курсы Всемирной Исторіи и Нравственной Филосо-

фіи. Не довольствуясь однимъ предпочтеніемъ, часто меня ласкалъ, гладилъ по головѣ, трепалъ по щекамъ, говоря: Вотъ прекрасный мальчикъ! полный, круглый, румяный. Изъ него выйдетъ много добра, это видно по глазамъ.—Когда жъ спрашивалъ урокъ, который я рѣдко зналъ, то вмѣсто выговора и наказанія, совѣтывалъ только протвердить; если жъ другіе учителя хотѣли поступить со мною иначе, то Шедоній изображалъ съ видомъ кротости о правилахъ воспитанія, что строгость ожесточаетъ нравы, утверждая: ребенокъ подобенъ весеннему цвѣтку, который произрастаетъ въ посредственной теплотѣ, и что сильный зной и стужа препятствуютъ къ полному его образованію. Этотъ іезуитъ имѣлъ выразительныя черты; вся его наружность обозначала сильныя страсти. Онъ былъ высокъ, худощавъ, сутуловатъ; имѣлъ длинное лице, измызистый лобъ, черные

волоса съ просѣдью, широкій ротъ, отвислыя губы, всегда казавшія улыбку — но эта улыбка изображала коварство и скрытность. Онъ служивалъ содержателю училища и женѣ его, вывѣдывалъ въ домѣ все тайны, передавалъ хозяевамъ въ увеличенномъ видѣ. Главную страсть составляли въ немъ скупость и склонность переносить вѣсти изъ дома въ домъ. Онъ предпочтительно любилъ дѣтей, имѣющихъ богатыхъ родителей, посѣщалъ ихъ дома, не прося явно, умѣлъ выманивать подарки, и всѣми средствами улучшивалъ свое состояніе, не стыдился даже у дѣтей выманивать деньги для сбереженія, которыхъ не возвращалъ; а какъ я имѣлъ болѣе другихъ, то и получалъ предъ всѣми предпочтеніе. Человѣкъ этотъ заслужилъ общую ненависть, и только одна необходимость заставляла скрывать свои чувства; онъ приобрѣлъ дружество содержа-

телей училища и могъ, кому хотѣлъ, вредить, или быть полезнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не сердился, не изъяслялъ явно неудовольствія, всѣхъ ласкалъ, со всѣми дружился и, сдѣлавъ кому-нибудь неудовольствіе, старался отклонить свой поступокъ на другихъ. Этому человѣку, какъ мнѣ казалось, я понравился; онъ съ видомъ участія бралъ у меня деньги, для покупки разныхъ мелочей, и каждую вещь ставилъ вчетверо. Все воспитанники знали это и не смѣли изъяснить своего неудовольствія. Шедоній не только въ училищѣ, но и въ домахъ родителей приобрѣлъ уваженіе, довѣренность, и заставилъ всѣхъ молчать.

Такъ шло мое воспитаніе до пятнадцатилѣтняго возраста. Я пользовался благосклонностію Шедонія и шалости мои проходили безъ наказанія. Въ одинъ субботній день я пошелъ послѣ обѣда домой, чтобъ взять за тредь деньги и от-

дать содержателю училища; Шедоній, узнавъ о томъ, пригласилъ меня отъ родителей навѣстить его, обѣщая угостить фруктами изъ своего сада. Не имѣвъ подозрѣнія, на другой день утромъ свободный отъ классовъ, я спѣшилъ исполнить приглашеніе; онъ принялъ меня ласково, велѣлъ челоуѣку своему подать завтракъ, показывалъ коллекціи изъ многихъ животныхъ, пернатыхъ и высушенныхъ насекомыхъ, рассказывая о свойствахъ ихъ.

Не имѣя склонности къ Натуральной Исторіи, я пустился въ садъ, бѣгалъ, рѣзвился; добрый хозяинъ не запрещалъ мнѣ рвать фрукты и цвѣты, и поощрялъ къ шалостямъ, наконецъ я усталъ, сѣлъ въ бесѣдкѣ и попросилъ пить. «Погоди, милое дитя, сказалъ ласково Шедоній, ты очень разгорѣлся, я принесу что-нибудь теплое утолить жажду, иначе можешь простудиться — а въ ожиданіи покушай

конфектъ.» Онъ вынулъ изъ кармана цѣлую горсть и пошелъ за питьемъ; минутъ чрезъ пять воротился съ большимъ стаканомъ, налитымъ краснымъ виномъ съ сахаромъ и разными приправами. Напитокъ показался мнѣ вкуснымъ, я выпилъ залпомъ, и попросилъ еще, іезуитъ съ улыбкою исполнилъ мое желаніе, и вдругъ я почувствовалъ необыкновенную слабость, жаръ и склонность ко сну.— Шедоній поспѣшно уложилъ меня въ бесѣдкѣ, заперъ дверь и вышелъ.

«Я проснулся въ пятомъ часу по полудни, поблагодарилъ хозяина и спѣшилъ въ училище отдать деньги, взятыя у отца, Шедоній далъ мнѣ на дорогу гостинца, простился ласково: сказавъ. «Поди, милое дитя, навѣщай меня чаще.»

«Я пришелъ въ училище съ довольнымъ видомъ и, принеся деньги, могъ ожидать благосклоннаго приема; но къ удивленію моему, когда хотѣлъ вынуть свертокъ зо-

лотыхъ монетъ, не только что не нашель ихъ въ карманъ, но даже и серебряной, которую подарила мнѣ матушка.»

«Г-нъ Шаронъ (имя учителя) изъявилъ свое неудовольствіе, сталъ спрашивать, куда я дѣвалъ деньги, я рассказалъ все, что со мною случилось и какъ приходилъ къ Шедонію. Послали за іезуитомъ; онъ пришелъ вскорости и, узнавъ о дѣлѣ, вскрикнулъ: Боже мой! онъ потерялъ деньги. Шалуна мальчишка, былъ у меня и не сказалъ, что съ нимъ большое количество золотой монеты; я конечно-бы проводилъ его самъ; вѣрно, дорогою выронилъ, у меня пропасть имъ невозможно; человекъ мой не рѣшится на такой поступокъ; притомъ, когда онъ спалъ въ бесѣдкѣ, я сидѣлъ на ступенькѣ, читалъ книгу и не отходилъ отъ шалуна.»

«Всѣ шумѣли, кричали, я плакалъ и не жалѣлъ денегъ, слѣдующихъ за ученіе, а горевалъ только о своихъ. Какъ пособить было печѣмъ, то и рѣшились послать меня съ Шедоніемъ домой уведомить о печальномъ случаѣ.»

«Отецъ, узнавъ о значительной потерѣ, разсердился не на шутку, хотѣлъ поколотить меня порядкомъ — матушка испугалась, ей стало дурно. Шедоній воспользовался тѣмъ, и съ важностію сказалъ отцу:

Укротитъ гнѣвъ — вспылчивость противна Богу. Сынъ вашъ потерялъ деньги нечаянно, это можетъ случиться со всякимъ; притомъ Господь благословилъ васъ съ избыткомъ и такая малость не заслуживаетъ огорченія. Посмотрите на супругу вашу, она лишилась чувствъ; гнѣвъ на сына повергъ ее въ безчувственное положеніе. Ахъ! Это очень натурально: у васъ одинъ только сынъ, и какой сынъ! Онъ украшаетъ

нравомъ, способностями въ понятіяхъ, все училище, онъ утѣшитъ старость вашу. Простите, сударь, эту маловажную потерю; онъ вознаградитъ новымъ прилежаніемъ.»

«Отецъ мой, видя, что денегъ возвратить нельзя, послѣ выговоровъ и брани, отдалъ Шедонію другія; матушка со слезами отпустила насъ въ училище и упрасивала впередъ быть осторожиѣе, а я только грустилъ о своей потерѣ. Шедоній, замѣтивъ это, далъ мнѣ червонецъ и сказалъ: «Утѣшься, милое дитя, если тебѣ случится надобность въ деньгахъ, то обратись ко мнѣ; я замѣтилъ, что отецъ твой скупъ, а въ твои лѣта надобно имѣть невинныя удовольствія.»

«Не смотря на убѣжденія Шедонія, за потерянные деньги и разныя шалости меня заперли на три дня въ особую комнату, обѣдъ и ужинъ ограничили однимъ хлѣбомъ съ водою, и строго за-

претали, чтобъ никто не смѣлъ входить ко мнѣ, за исключеніемъ самой хозяйки, Терезы.»

«Два часа я оставался взаперти — отъ досады, скуки, голода, кусалъ себѣ пальцы, бѣгалъ по комнатѣ, теребилъ учительскій парикъ на болванѣ, и выдумывалъ средство освободиться. Въ это время, отворилась дверь — вошла, или вѣрнѣе сказать, вскочила Гуанета, сестра г-жи Шаронъ; она жила по сосѣдству съ нашимъ училищемъ съ престарѣлымъ своимъ мужемъ. Эта женщина имѣла стройную талію, черные на выкатѣ глаза, длинныя ресницы, выгнутыя брови, орлиный носикъ, маленькій ротикъ, однимъ словомъ, совершенная красавица и не болѣе двадцати пяти лѣтъ.»

— О чемъ задумался, бѣдный Антоній? (такъ она всегда называла меня). Будь весель! Все пройдетъ. Она ласково

потрепала меня по щекамъ.— Не хочешь ли обѣдать?

«Нѣтъ! хлѣбъ и вода не слишкомъ вкусны.»

— За что жь ты сердишься? Развѣ я виновата твоей неволь?... Ахъ! если бь ты зналъ какъ, я скучала о твоей отлучкѣ! Если бь зналъ, какое принимала участіе? Полно жь грустить! Утѣшься, глупенькой! Я упрошу сестру, она не станетъ морить тебя голодомъ, будь только скромень, уменъ и... она поцѣловала меня въ лобъ и проворно выскочила изъ комнаты.

«Будь скромень и уменъ! повторилъ я съ изумленіемъ. Это слова Шедонія. Къ чему они теперь служатъ? Она меня поцѣловала, такъ мило, такъ пріятно, кажется, этотъ поцѣлуй пролетѣлъ въ мое сердце!... Правда, я давно замѣтилъ, что сестра г-жи Шаронъ предпочитаетъ меня товарищамъ, наединѣ ласкаетъ, жметъ

руки, и, кажется, что-то хочетъ сказать; Странно!... Я погрузился въ пріятныя мысли; черезъ полчаса Туанета возвратилась и принесла обѣдъ лучше того, которымъ пользовались мои товарищи, и сказала: «Сестра ушла, повѣрила мнѣ ключъ отъ этой комнаты. Садись, Антоній, кушай и пей.» Я не заставилъ повторять, бросился къ столу, какъ голодный волкъ на овцу.

«Окончилось время ареста; меня освободили, товарищи вскричали: Ахъ, Антоній! какъ ты похудѣлъ! вѣрно въ три дня тебя морили голодомъ, вѣрно давали только одинъ хлѣбъ и воду? Шедоній подражалъ имъ, и съ коварною улыбкою спросилъ: «Бѣдный Антоній! Кто носилъ тебѣ пищу? «И на отвѣтъ, что сама г-жа Шаронъ, примолвилъ: «Бѣдный мальчикъ! приходи ко мнѣ ужинать.»

«Я замѣтилъ лукавую улыбку старика, догадался, что онъ приглашаетъ меня

въ намѣреніи вывѣдать подробности. Проникнувъ мысли Шедонія, я остался въ училищѣ.

«Такъ прошло около шести лѣтъ; я проказилъ, іезуитъ выручалъ изъ хлопотъ, Туанета приглашала къ себѣ. Впрочемъ, должно отдать ей полную справедливость, она заботилась о моемъ воспитаніи, и если я нѣсколько образовался, то въ этомъ обязана ей. Туанета любила музыку, Словесность, Исторію — и пріохотила меня къ нимъ; въ угодность красавицѣ, нѣсколько часовъ отъ шамостей я посвящалъ наукамъ, читалъ съ нею историческія книги, дѣлалъ переводы, пушался иногда въ мелкія стихотворенія, и обработалъ голосъ, которымъ природа меня щедро одарила. Туанета любила танцовать, и я въ этомъ искусствѣ превзошелъ моихъ товарищей, чтобъ имѣть удовольствіе быть съ нею въ первой парѣ. Она съ удоволь-

ствіемъ смотрѣла на фехтовальный классъ, и я, въ угодность ей, всегда оставался побѣдителемъ; она перебралась въ одинъ съ нами домъ, и видѣлась со мною часто.»

Здѣсь Антонъ Ивановичъ положилъ тетрадь, снялъ очки, опорожнилъ бутылку вина, и началъ говорить: «Счастье, друзья мои! счастье есть непостижимо, случайно приходитъ, и мигомъ исчезаетъ. Фортуна, эта своенравная старуха, часто зѣваетъ тамъ, гдѣ не умѣютъ ею пользоваться, а искателемъ оставляетъ безъ вниманія, подобно кипамъ бумагъ, которыя заботливая моль вмѣсто насъ перебираетъ.»

Онъ взялъ снова рукопись, вытеръ очки, надѣлъ, и продолжалъ. «Я замѣтилъ, что Туанета перемѣнилась со мною въ обращеніи, и скоро узналъ тому причину. Молодой студентъ поселился въ домѣ г. Шарона, и часто навѣщалъ ее;

а Шедоній явно сталъ подыскиваться надо мною, огорчась, что изъ получаемыхъ отъ матери денегъ я пересталъ съ нимъ дѣлиться, а тратилъ ихъ съ товарищами.

«Разсматривая на всякій случай мою наличность, я увидѣлъ, что много издержалъ на шалости, а пополнить истраченное прекратилась возможность. Тутъ я вздумалъ о картинахъ, которыя приобрѣлъ у Шедонія въ то время, когда навѣщалъ его; онѣ были превосходны; но какъ, и куда сбыть ихъ, приводило меня въ затрудненіе.

— Пойди, Антоній, сказалъ одинъ изъ товарищей, я тебя выведу изъ хлопотъ: набожная моя тѣтушка коротко знакома съ одной лицемѣркой. Эта женщина, по словамъ тетки, слишкомъ умна, домъ ея наполненъ рѣдкими вещами, кабинетъ безпрестанно увеличиваетъ, особенно кар-

тинами, и платитъ за нихъ большія деньги.

«Это прекрасно; однако жъ вспомни, что большая часть эстамповъ писаны слишкомъ свободно—какъ ихъ показать женщинамъ?...»

— Вотъ какой вздоръ! Въ такихъ вещахъ лицемѣрки лучше знатоки. Тѣтушка въ веселый часъ проговорила, что у ея пріятельницы есть самыя смѣшныя и всехъ родовъ.—Нечего думать—назовись художникомъ,—я тебя провожу. Только будь смѣлѣе, употребляй чаще острые слова, разсыпайся въ учтивостяхъ: онѣ польстятъ самолюбію женщины, и успѣхъ превзойдетъ ожиданіе.

«Душевный мой другъ и товарищъ Князь N. одобрилъ совѣтъ и на другой день мы пришли къ г-жѣ***. Рослый лакей съ орлинымъ носомъ и широкой грудью сказалъ намъ «Госпожу не ранѣе какъ черезъ часъ можно увидѣть». Товарищъ,

мой ушелъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ аудіенціи покровительницы художествъ.

«Спустя означенное время молодцоватый валець спросилъ отъ имени госпожи, какую имѣю надобность? и на отвѣтъ, что художникъ принесъ коллекцію рѣдкихъ эстамповъ, впустилъ меня немедленно.

«Я засталъ лицемѣрку на колѣняхъ; бархатная малиновая подушка защищала толстыя колѣна отъ твердости пола, и поддерживала весь грузъ жирной, красной, угреватой женщины.

«Подымаясь съ важностію и не удостоивъ меня взгляда, она спросила: «Что вамъ, сударь, угодно?»

«Милостивая государыня, я художникъ.» — При первомъ звукѣ голоса, лицемѣрка подняла голову, оборотилась ко мнѣ, взглянула и, отступивъ нѣсколько назадъ, сказала: — «Вы художникъ? Живописецъ?»

«Точно, сударыня! Узнавъ благородную вашу страсть ко всему изящному, я осмѣлился принести рѣдкіе эстампы.»

— Кто вамъ сказалъ, что я имѣю страсть къ нимъ?

«Госпожа Де...!»

— Она васъ послала? Это странно! Вы такъ молоды, ваша наружность—она любить... давно ли вы знакомы съ нею?

«Я не имѣю чести знать г-жи Де..., а учитель мой посѣщаетъ ее часто.»

— А! это вѣрно молодой высокій Італьянецъ?

«Точно, сударыня!»

— Признаюсь, весьма кстати! И увѣрена, что моя пріятельница васъ не видала; иначе.... Впрочемъ, я весьма благодарна ей: она печально оказала мнѣ услугу. Какіе жъ вы принесли эстампы? продолжала лицемѣрка, осматривая меня со вниманіемъ.

«Они недавно привезены изъ Италіи. Я предварительно могу увѣрить, что краски, расположеніе, отдѣлка — единственныя; притомъ знатокъ смотритъ только достоинство картины, а не содержаніе.»

— Ахъ, батюшка мой! я имѣю понятіе о картинахъ, если онѣ... Однако жъ, позвольте взглянуть; посидите въ той комнатѣ. Саша! подай г. художнику какую-нибудь книгу, чтобъ онѣ не соскучился.

«Она взяла картины, посмотрѣла быстро мнѣ въ глаза, и съ умишкою сказала. — Если товаръ походить на продавца, то мы скоро цѣною сойдемся.»

«Я вышелъ въ другую комнату, и прелестная, бѣлокурая, стройная, дѣвушка, четырнадцати, или пятнадцати лѣтъ, — принесла мнѣ книгу.»

«Взглянувъ на красавицу, я оцѣпенѣлъ отъ восторга, бросилъ толстую книгу, въ молчаніи смотрѣлъ на дѣвицу.— Она

замѣтила вниманіе, покраснѣла; голубые, небесные глаза опустила къ землѣ и въ замѣшательствѣ казалась еще прекраснѣе. Если бъ я точно былъ художникъ, какъ увѣрилъ лицемѣрку, и вздумалъ изобразить красоту и невинность въ одномъ предметѣ, то не могъ бы отыскать лучшій подлинникъ.»

— Что жъ вы, сударь, не садитесь и не читаете? спросила робко дѣвица?

«О нѣтъ! я читаю, и съ большимъ вниманіемъ!»

— Да вы не развернули книги, а на переплетѣ ничего не написано.

«Напротивъ! я читаю въ прекрасныхъ глазахъ твоихъ: они изображаютъ, какъ счастливъ будетъ тотъ смертный, на котораго они ласково посмотрятъ.»

— Шутите, сударь! Глаза мои... однако жъ вы правы, я сама не люблю этой книги, и когда барыня велитъ прочесть

нѣсколько страницъ, то во всю ночь не сплю со страху.

«Не спишь! Что жъ ты дѣлаешь?»

— Обыкновенно что дѣлаютъ въ бессонницѣ: думаю, закрываю глаза, засвѣчу свѣчку и снова примусь читать.

«Эту книгу?»

— О нѣтъ, сударь! У барыни есть разныя, только ради Бога не сказывайте, я тихонько беру изъ библіотеки.

«Вѣрно Тысячу и одну ночь, или рыцарскіе романы?»,

— Извините, я ихъ не люблю, тамъ тоже колдуны, привидѣнія, драки, а процессы никуда не годятся.

«Почему?»

— Какъ можно посылать людей изъ опасности въ опасность; за какой-нибудь цвѣтокъ, или яблоко, не пожалѣть жизни любовника, молчать нѣсколько лѣтъ, не приласкать... и....

«Милая Саша! ты вѣрно будешь спсходительнѣе къ своему любовнику?»

— Какъ вамъ, сударь, не стыдно! У меня нѣтъ еще.... Да сдѣлайте милость, садитесь, и не смотрите на меня такъ пристально.

«Развѣ тебѣ это противно?»

— Совсѣмъ нѣтъ! только, не знаю, почему глаза мои, встрѣчаясь съ вашими....

«Милая Саша! это дѣйствіе симпатіи — если молодой человѣкъ нечаянно встрѣтитъ дѣвицу прекрасную, какъ ты, если почувствуетъ къ ней склонность, то и она начинаетъ питать къ нему подобное чувство, или отвращеніе.»

— Полноте, сударь! это невозможно, вы такъ учтивы, ласковы.... и.... она не договорила.

«Я восхищался прелестями дѣвицы, мгновенно сталъ ее любить, и продолжалъ разговоръ; она постепенно оставляла робость, маленькій ея ротикъ не

смыкался и языкъ, подобно маятнику, всегда находился въ движеніи; съ полчаса съ дѣтскою простотою она говорила о разныхъ предметахъ, и постепенно довела рѣчь къ г-жѣ своей. — Такъ, сударь! продолжала красавица, моя барыня рѣдкая женщина, жаль только, что часто бываетъ нездорова; но и тутъ, презирая врачей тѣлесныхъ, прибѣгаетъ къ духовнымъ: одинъ честный іезуитъ, по имени Шедоній, носитъ ей лекарства...

«Шедоній?» вскричалъ я!..

— Да, сударь. Вѣрно вы знакомы съ нимъ?

«Точно, миленькая! Ты прекрасно изъясняешься — тебя до утра можно слушать.»

— Благодарю васъ покорно. При всемъ скромномъ поведеніи моей госпожи, она не избѣжала злорѣчія завистниковъ: два раза полиція приходила къ намъ съ обыскомъ, и...

«Только, миленькая?»

— Только, сударь, да еще... «Тутъ и-ия позвали въ кабинетъ.»

— Ну, сударь, прекрасныя картины! сказала лпцемѣрка. И вамъ не стыдно? — Вы такъ молоды, прекрасны! Миѣ сдѣлалось дурно; по счастью случился близко спиртъ.

«Однако жъ, сударыня, согласитесь, от-дѣлка чрезвычайная.»

— Право, не замѣтила. Сколько вы за нихъ просите?

«Предъ знатокомъ я не смѣю назначить цѣну, и совершенно полагаюсь на васъ.»

— Ахъ, Боже мой! Какъ миѣ цѣнить? Тамъ есть большія, маленькія — я не разсматривала ихъ!

«Сударыня, въ часъ времени тридцать семь эстамповъ легко разсмотрѣть можно.»

— Въ часъ! Долго-ли это, когда первый занялъ меня десять минутъ.

«Такъ назначьте цѣну тѣмъ, которые вамъ нравятся, а остальные возвратите...»

— Можно-ли рознить коллекцію?... Да кто вамъ сказалъ, что эстампы мнѣ нравятся? Одна чрезвычайная страсть имѣть всѣхъ родовъ заставляетъ купить. Женщина, скромная поведеніемъ, заботится о чести, болѣе чѣмъ о жизни, и должна сохранять благопристойность. Ну, если кто нечаянно увидитъ мою покупку?

«Тогда вообразите, что статуи всѣмъ и всякому смотрѣть можно. Этотъ примѣръ обращается и на эстампы.»

— Плутиска! доказываетъ превосходно!—Который вамъ годъ, красавчикъ?

«Семнадцать, сударыня!»

— Гдѣ учились рисовать?

«Въ Академіи Художествъ!»

— Хорошо, я не стану разнить коллекцій. Возьмете ль оптомъ за каждую по два червонца?

«Чтобъ доставить счастье Италіанскому художеству находиться въ кабинетѣ столь прекрасной госпожи,—я согласенъ.»

— Вы слишкомъ учтивы, и походите на маленькаго льстеца. Да, сударь, вы льстецъ, и самый опасный! Тридцать семь эстамповъ составятъ семьдесятъ четыре червонца. Всей суммы теперь заплатить не могу—вотъ пятьдесятъ, за остальными пожалуйста завтра вечеромъ, ровно въ девять часовъ; малютка моя Саша станетъ дожидаться и проводить васъ, я хочу съ вами познакомиться—слышите!—только содержите въ тайнѣ мою покупку, и никому не сказывайте о завтрашнемъ вечерѣ.

«Понимаю, сударыня!»

— Понимаю! повторила лицемѣрка, передразнивая меня съ смѣшными гримасами. Прощай, прекрасный живописецъ!

Приходи непременно — ты не станешь раскаиваться.

«Я поклонился и вышелъ, Саша провожала; на крыльцѣ, я тихонько положилъ ей въ руку два червонца. — Что это, сударь, деньги? Я не возьму.»

«Почему?»

— Барыня говоритъ: не бери, и ничего не проси отъ мужчинъ.

— Саша! Саша! кричала сверху лицемѣрка. Я только успѣлъ поцѣловать ее и приневолить удержать червонцы; она не имѣла времени противиться и, по вторичному зову, побѣжала на верхъ.

«Я отъ радости бѣжалъ въ училище, какъ сумашедшій. Золото и Саша приводили меня въ восхищеніе; я считалъ себя богаче Креза, царя Лидійскаго, и счастливѣе Париса, похитителя прекрасной Елены.»

«Побѣда, друзья мои! побѣда! кричалъ я съ торжествомъ! Вотъ деньги! Не да-

рошь Шедоній тянулся за картинами? Тутъ я рассказалъ подробно о приѣмѣ лицемѣрки; какими умильными глазами она поематривала на меня; какъ назначила завтрашній вечеръ для полученія остальныхъ денегъ и знакомства.»

— Это превосходно, сказалъ Князь, который присовѣтывалъ мнѣ продать картины этой женщины. Какова она собою?

«О! что касается до красоты, то должно сыскать знатока, и продать вмѣстѣ съ картинами Шедонія — она толста, смугла, угревата, за-то горничная...»

— Какая нужда до жиру и угрей, Антоній? Теперь скажу: въ твое отсутствіе я не оставался безъ дѣла, рассмотрѣлъ новую нашу кухарку; она, право не дурна, и не старше Туанеты. — Однако не одно волокитство насъ сблизитъ, а твоя польза: повариха намъ нужна; въ ея власти горшки и кастрюльки; она раз-

кладываетъ кушанье; должно остерегаться однихъ чашекъ и питья—они часто въ распоряженіи самой Туанеты. Я далъ ей въ задатокъ два червонца, а вечеромъ расскажу подробно, какія намъ нужны услуги.

«Я возвратилъ князю деньги, благодарилъ за предусмотрительность—она показалась необходима; но скорый и внезапный выходъ изъ училища освободилъ меня отъ всѣхъ опасностей.»

«Я ждалъ съ нетерпѣніемъ вечера, назначеннаго для свиданія; однако жъ не прелести лицемѣрки и деньги стали тому причиною. Прелестная Саша сводила меня съ ума; она составила единственную цѣль моимъ желаніямъ; она безпрестанно тянула къ часамъ; я смотрѣлъ и ждалъ, скоро ли стрѣлка приблизится къ цифрѣ 9-ть. Притомъ, съ котораго времени я сталъ философъ»

ствовать, укротилъ многія страсти, и началъ только любить красавицъ, хорошее вино, пріятелей и деньги—последнія во всякомъ случаѣ необходимы; безъ нихъ трудно списывать благосклонность первыхъ, и пользоваться вторыми. Старое вино покупаютъ на чистыя деньги, а друзья нашего вѣка—безъ золота, есть тѣло безъ души—они подобны холостому выстрѣлу, который произведетъ только звукъ, и остается ничтоженъ. Я вѣрилъ одному писателю, что деньги нужнее воздуха: безъ воздуха можно хоть умереть, а безъ нихъ нельзя и въ землю переселиться.

«Я родился подъ счастливымъ созвѣздіемъ. Благодаря моему наружності, меня любили безъ интереса; но самая безкорыстная любовь оканчивалась издержками. О чемъ почтенные мои читатели скоро узнаютъ.»

„Въ исходѣ девяти часовъ я пришелъ къ крыльцу лицемѣрки — и кто первый встрѣтился со мною? Саша.

— Ахъ, какъ вы замѣшкали, г-нъ живописецъ; я слишкомъ часъ дожидаясь васъ, — сказала она съ радостію.

«Благодарю, милая Саша! Я не смѣлъ ранѣе придти, и поцѣловалъ ее въ щочку. Да развѣ г-жа меня спрашивала?»

— Нѣтъ, сударь, мнѣ скучно; я хотѣла возвратить ваши червонцы.

«Шутишь, Саша. Я и деньги мои къ твоимъ услугамъ. — Тутъ я поцѣловалъ красавицу въ розовыя губки.

— Шалите, господинъ живописецъ!

«Развѣ тебѣ противны мои ласки?»

— Нѣтъ, сударь. Да барыня говоритъ, что поцѣлуй отъ мужчинъ, есть тяжкій грѣхъ!

«Она обманываетъ, такъ же какъ и ты меня.»

— Я обманываю?

«Точно! Ты мила, прелестна — ну — можно ли повѣрить, чтобъ ты не знала любви! Вашъ домъ извѣстенъ, посѣтителей много; тебя вѣрно ласкаютъ?»

— Полноте, сударь! Кому здѣсь приласкать? Все люди важные, почтенные; они занимаютъ госпожею и пушемъ; шутки ихъ самыя грубыя, — да и за то барыня сердится, и только замѣтитъ, что хотятъ пошутить со мною, высылаетъ вопъ, а ночью запираетъ въ маленькой каморкѣ и ключъ прячетъ себѣ подъ подушку.

«Бѣдненькая моя Саша! Я прижалъ ее тихонько къ груди.»

— Точно, сударь, бѣдная — сирота, не знаю, кто мои родители, вѣчно въ заперти, какъ кенарейка въ клеткѣ, никуда не выхожу, и по это время, кромѣ васъ, ничего хорошаго не видала. Вы одни мнѣ понравились. Только не подумайте,

что за червонцы—нѣтъ! Я такъ васъ полюбила.

«Милая, невинная Саша! Я съ восторгомъ прижалъ къ себѣ красавицу.»

— Ахъ! сударь, тише-тише, вы меня давите. Однако жъ, право, странно—это не больно и совсѣмъ иначе, какъ у господина Тумакова: онъ схватитъ за руки, и кости затрещать.... и....

«Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ; дѣвушка вздрогнула.—Ахъ! пустите, сударь! пустите! Барыня кличетъ. Бѣда, если замѣшкаюсь,—она догадается. Саша какъ стрѣла пустилась по лѣстницѣ; я въ пріятномъ восторгѣ, еще чувствовалъ прелесть отъ прикосновенія къ невинности; кааалось, что дыханіе ея вливало мнѣ новую душу и нѣчто болѣе обыкновенной страсти. Надежда и любовь рисовали очаровательную картину въ чувствахъ моихъ, но мысль о лицеиѣ отвратила мечтательное блажен-

ство; я задумался, хотѣлъ бѣжать пагубнаго мѣста—но бѣжать и лишиться Саша, стало не въ моей уже власти. Голосъ дѣвицы вывелъ меня изъ размышленія.—Пожалуйте, сударь! говорила она сверху лѣстницы, держа свѣчу—пожалуйте! васъ ожидаютъ.—Я не спѣшилъ исполненіемъ, и только по второму зову медленно приблизился къ дверямъ. Саша съ примѣтною досадою ихъ отперла, я бросилъ на нее взоръ сожалѣнія, и такъ сказать, машинально очутился въ комнатѣ лицемѣрки.»

Въ этомъ мѣстѣ Антонъ Ивановичъ положилъ тетрадь и очки, сказавъ: «Друзья! надо перевести духъ, стаканомъ вина промочить глотку—я почти кончилъ первые дни моей юности и безпорядки. Теперь вы услышите важнѣйшія происшествія моей жизни, иногда счастливой, и весьма часто несчастной. Я не скрывать моихъ пороковъ и преступленій.

Ахъ! я перенесъ за нихъ слишкомъ много. Посѣщеніе къ лицемѣркъ перемѣнило обыкновенный родъ жизни, открыло путь, усыпанный, по наружности, цвѣтами — ахъ, эти цвѣты въ послѣдствіи обратились въ колючій тернъ.»

Повѣствователь выпилъ стаканъ вина, взялъ тетрадь, посмотрѣлъ на пріятелей, и продолжалъ: «Невидимка — испытатель устремилъ все вниманіе къ повѣсти, и хотя время клонилось къ полуночи, онъ рѣшился остаться въ погребѣ.»

Сорока-лѣтняя прелестница роскошно сидѣла на богатомъ диванѣ, придумавъ всю возможность увеличить свою красоту; глянцеватая, одутловатая щеки лоснились отъ бѣлизны и румянъ, какъ живопись, или тонкая штукатурка; толстыя, короткія руки, украшенныя браслетами, составляли симетрію туловищу; одна рука поддерживала голову, приросшую къ плечамъ, разстояніемъ отъ нихъ не болѣе

вершка — другая покоилась на толстомъ колѣнѣ; рыжіе волосы посредствомъ черной помады скрывали частицу сѣдыхъ, и локонами падали на огромную грудь. Черная лента, охвативъ шею, невольно ихъ возвышала и препятствовала всей тягости спуститься; прекрасное спальное платье невольно обращало вниманіе къ алебастровой статуѣ, опрысканной духами. Двѣ восковыя свѣчи освѣщали слабо комнату и обманчивымъ свѣтомъ скрывали безобразіе хозяйки.

«При входѣ моемъ она подняла голову, улыбка показалась на толстыхъ губахъ.» — Какъ исполнительъ г-нъ художникъ! Въ эту минуту ударило девять часовъ и онъ явился; это похвально — въ нашемъ возрастѣ точность составляетъ достоинство. —

«Милостивая государыня! исполнять приказанія, есть обязанность артистовъ:

она необходима къ нашему содержанію, и служитъ къ дальнѣйшимъ видамъ.»

— Такъ вы спѣшили только за деньгами?—перехватила она съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«Напротивъ, сударыня, я не думалъ о нихъ: приказаніе такой особы для меня законъ — я спѣшилъ повиноваться ему, и забылъ не значительную сумму.»

— Но я, сударь, не забыла, чѣмъ должна. Вотъ ваши деньги!

«Взявъ свертокъ, я отвѣсилъ низкій академическій поклонъ, въ намѣреніи удалиться.»

— Куда жъ вы? Такая поспѣшность не согласна учтивости и сдѣланному привѣтствію? Правда, питомцы Рубенсовъ немного застѣнчивы, и даютъ болѣе свободы кисти, нежели словамъ. Садитесь.... поговоримъ о рисовальномъ искусствѣ.

— Куда жъ такъ далеко запрятались? Садитесь ближе. Диванъ обширенъ.—

«Для Саши надо повиноваться; я сълъ возлѣ неуклюжей женщины.»

— Какъ давно учитесь рисовать? спросила она, подвигаясь ко мнѣ ближе.

«Три года, сударыня.»

— Далекиль ваши успѣхи?

«Весьмаограниченны; но прилежностію и терпѣніемъ, надѣюсь достигнуть желаемой цѣли.»

— Похвально, сударь! весьма похвально: трудъ, надежда и терпѣніе, всегда производятъ обильные плоды, увѣнчаютъ художника. — Вотъ, и видно живописца — дайте руку?

«Вся въ краскѣ, она съ улыбкою пожала столь нѣжно мои пальцы, что я чуть не закричалъ и не проговорился, что съ роду не бралъ кисти, кромѣ карандаша, и то одинъ разъ въ недѣлю.»

— Какъ васъ зовутъ, миленькій Рафаэль?—И въ ожиданіи отвѣта, тяжелую

свою руку положила мнѣ на плечо; она, какъ пудовая гиря, заставила приклониться къ ней.

«Скрывая настоящее имя, я назвался прибрѣтеннымъ въ училищѣ: Антоніемъ.»

— Антоній! прекрасное имя! Я всегда находила въ немъ пріятность. Это, конечно, предчувствіе, что одинъ плутишка станетъ называться Антоніемъ. Но ты потупляешь глаза? Чему это приписать?

«Я молчалъ.»

— Скажи, Антоній, откровенно? Ты молодъ, прекрасенъ, — неужели ты не любишь?

«Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ я съ видомъ невинности.»

— Но ты рисуешь картины, выражаешь страсти, видишь мужчинъ и женщинъ?

«Я только списываю копии и не думаю о точномъ расположеніи сюжета.»

— А если тебя встрѣтитъ оригиналъ если женщина смотритъ на тебя страстно, ищетъ въ глазахъ твоихъ взаимности, жметъ твои руки и скажетъ: милый Антоній! я люблю тебя! — что ты сдѣлаешь въ такомъ случаѣ?

«Не знаю, сударыня; однако жъ я готовъ сдѣлать все, что ей угодно.»

— Какъ мнѣ пріятны эти слова! Послушай, Антоній! Обхожденіе мое можетъ назваться страннымъ и свободнымъ; но если ты узнаешь меня короче, то не станешь удивляться и осуждать, а согласишься, что человекъ, при всемъ усилии, рано или поздно, покорится страсти, страсти, которую никто побѣдить и избѣжать не можетъ. Теперь выслушай меня.

— Родители мои изъ Франціи переселились въ Россію, гдѣ и основали жизнь свою; по волѣ ихъ, я вступила въ бракъ почти ребенкомъ, за богатаго Италіянца.

ца, и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ стала вдовою, любивъ страстно супруга. Я рѣшилась дни свои посвятить Богу и кончить жизнь въ монастырѣ; родители удерживали, старались уговорить ко второму браку; въ угодность имъ, я дала слово не входить въ обитель, съ тѣмъ чтобъ и они не принуждали сердечныхъ чувствъ моихъ и предоставили то времени. Оплакивая невозвратную потерю, я привыкла къ уединенію, хотя съ богатствомъ, оставленнымъ мужемъ, имѣла возможность жить открыто. Напрасно подруги юности старались перемѣнить мои склонности, внушать другія мысли, представить удовольствія свѣта въ блестящемъ видѣ — я осталась непреклонною, удалилась общества, а съ нимъ искателей руки моей; я презрѣла разсѣяніе, шумный міръ, искала духовной пищи; добрые пастыри составили мою бесѣду; къ нимъ присовокупилось нѣсколько мір-

скихъ ученыхъ людей, извѣстныхъ по скромности поведенія и чистотѣ нравовъ.

— Женщины моднаго свѣта не входили въ избранное мною общество; однѣ испытанной добродѣтели и набожности имѣли право посѣщать домъ мой. Ограждая такимъ знакомствомъ, я старалась заглушить всѣ страсти, нераздѣльныя съ существомъ нашимъ, готовила себя къ вѣчности, и — ахъ, узнала, сколь наши предположенія суетны и ничтожны. Врагъ челоуѣка изъ мрачныхъ заклеповъ съ коварной улыбкой смотритъ на дѣйствія наши, ставитъ вездѣ препоны, и мнимую гордость, что можемъ побѣдить его козни, обращаетъ въ нашу гибель. Сколь часто среди возвышенныхъ мыслей я начинала чувствовать тяжесть одиночества, мечтать, что къ благополучію моему недостаетъ предмета, котораго клялась убѣгать вѣчно! Я простирала руки къ друзьямъ моимъ, въ ихъ бесѣдѣ

искала отрады; они истощали духовное краснорѣчіе успокоить совѣсть, душу мою; старались различными средствами доставить пищу моему воображенію. И такъ, имѣя все необходимое къ избранной жизни, я часто считаю себя не въ числѣ счастливыхъ — противлюсь страстямъ, и... теперь... что мнѣ сказать? Могу ли выразить внезапный случай?—«Она бросила пламенный взоръ. — и со вздохомъ продолжала: Такъ, внезапный случай приводитъ юношу; этотъ прекрасный юноша роковымъ посѣщеніемъ, однимъ взглядомъ, разрушилъ труды и усилія многихъ лѣтъ!—«Гуть лицемѣрка потупила глаза и, конечно бѣ, покраснѣла, если-бѣ румяны оставили мѣсто натуральной краскѣ отличить истинную стыдливость отъ притворной! Подражая неопытной дѣвицѣ, или женщиной колеблемой остатками добродѣтели, надъ которой страсть беретъ преимущество,

она хотѣла увѣрить, сколь трудно покориться любви, и будто устрасась скорого выраженія, схватила меня за руку. — Ахъ! что я сдѣлала? Какое получу мнѣніе послѣ пагубнаго открытія? Я забыла, чѣмъ должна благопристойности своему обѣту. Уста невольно выразили состояніе души. Ахъ! забудьте слова женщины! Умиряющая добродѣтель вопіетъ о близкомъ паденіи! Не употреби во зло слабость мою! Но пойдѣмъ! Я покажу тебѣ библіотеку, минералы, окаменѣлости, рѣдкія произведенія живописи — развлеченіе можетъ послужить къ моему спокойствію или отдалить время къ неминуемой гибели.

«У дверей кабинета Саша ожидала насъ со свѣчкой; она взглянула печально; прелестный румянецъ стыда и огорченія покрылъ милая щечки; я затрепеталъ и по необходимости скрывъ свои чувства, повиновался лицемѣркѣ. Она

при видѣ Саши показалась еще безобразнѣе.

«Мы вошли въ богато-убранную комнату, уставленную большими шкафами. — Вотъ библіотека, — сказала г-жа Сенанжъ (имя хозяйки). Здѣсь хранятся въ лучшихъ переплетахъ творенія древнихъ и новѣйшихъ авторовъ. — «Тутъ моя путеводительница дала полную свободу языку своему, и множество именъ безсмертныхъ и великихъ мужей перебрала въ нѣсколько минутъ, какъ будто роту драгунъ при вечерней перекличкѣ. Впрочемъ можно побожиться, что она знала писателей по однимъ только заглавіямъ и переплетамъ. Посматривая украдкой на прелестную Сашу, я всѣхъ господъ Гезіодовъ, Ксенофонтовъ съ товарищами мысленно посылалъ къ чорту.»

— Я не стану васъ удерживать въ библіотекѣ, сказала, наконецъ, задыхаясь, лицемѣрка. Здѣсь можетъ встрѣтиться об-

ширная матерія; пойдите въ кабинетъ минераловъ. — «Саша отворила слѣдующую дверь, и глаза мои обратились къ блестящимъ камнямъ и раковинамъ, уложеннымъ въ шкафахъ за стеклами»

— Вотъ, посмотрите окаменѣлое дерево; частица въ немъ превратилась въ халцедонъ — эту рѣдкость я получила изъ Сибири, вмѣстѣ съ этими ширлами, топазами, агатомъ и аквамаринномъ. — Вотъ лучшей доброты малахиты и яшмы, а здѣсь кораллы, сердолики и халцедонъ. — «Тутъ хозяйка стала мнѣ показывать различные камни и раковины, съ описаніемъ качества и мѣстъ, откуда они доставлены. Это продолжалось болѣе получаса; наконецъ она перевела духъ и сказала: Я не стану вамъ скучать, и какъ минералогія не входитъ въ составъ вашего искусства, то покажу картинную галерею. Вы доставите мнѣ удовольствіе своимъ замѣчаніемъ.»

«Я съ охотою желалъ избавить мою путеводительницу отъ труда, который не предвѣщалъ мнѣ выгодное окончаніе; при первыхъ предметахъ я могъ кивать головою въ знакъ согласія, кстати сказать да съ прибавленіемъ-съ, чтобъ составило да-съ — а тутъ могли требовать сужденія предметамъ, стольже мнѣ понятнымъ, какъ Египетскіе іероглифы.»

«Прекрасная галерея, увѣшанная картинами въ богатыхъ позолоченныхъ рамахъ; невольно привлекла мое вниманіе. Свѣтъ отъ восковыхъ свѣчей и огромной люстры придавалъ имъ живость, и, казалось, одушевлялъ полотно, на которомъ знаменитые художники изобразили предметы.»

— Вотъ мы въ своемъ мѣстѣ, сказала г-жа Сенанжъ; — здѣсь помѣщены однѣ священныя, и отдѣлены отъ прочихъ сюжетовъ; послѣднія, при всемъ превосходствѣ, не должны совокупляться святыни.

— Вотъ копія съ оригинала Михель Анджело; первая Благовѣщеніе Господне. Посмотрите, какъ Архангелъ Гавріиль шествуетъ съ небесъ, пролетая хляби воздушныя; на лицѣ изображенъ немерцающій свѣтъ и вѣра; онъ, стремясь къ земному, обращаетъ очи въ горніе предѣлы, гдѣ созерцающихъ ему ликъ Ангеловъ ожидаетъ исполненія воли Всемогушаго! Въ этомъ предметѣ художникъ приводитъ въ изумленіе, и въ одномъ почти ликѣ посланника небесъ выражаетъ важность Благовѣщенія — надежды челоѣковъ.

— Вотъ Священное Семейство, и Преображеніе Христово, труды знаменитаго Рафаэля, ученика Перучини и заимствователя Михеля. Посмотрите лица и расположеніе первой картины: святость одушевляетъ всю группу семейства. Въ другой комнатѣ увидите Аонискую школу, писанную этимъ же художникомъ;

она по совершенству неподражаема. Вообще эти три картины есть образцовыя; двѣ послѣднія писаны для Франциска I-го, короля Французскаго.

За Рафаэлемъ слѣдуетъ Рубенсъ. Оригиналы хранятся большею частію въ Люксембургскомъ Дворцѣ; а лучшее произведение, Христосъ среди двоихъ разбойниковъ — какою кистію художникъ изобразилъ лица, кротость, терпѣніе Спасителя. Онъ на крестѣ испускалъ духъ, уповая на Отца Небеснаго. Ожесточеніе одного изъ разбойниковъ; онъ, желая превысить силы человѣка, скрываетъ мученія, и ожесточась, поноситъ Иисуса. Второй съ вѣрою вѣчной жизни обращаетъ къ Нему послѣднее слово свое! Слѣдующая картина: Снятіе со креста, увеличиваетъ славу Рубенса подобно прочимъ; взгляните! онъ на противоположной стѣнѣ.

— Остановимся при чудесной картинѣ Всемірный потопъ, твореніе Пуссеня, послѣдователя лучшихъ живописцевъ; замѣтьте черты лицъ, которыя, съ возвышеніемъ воды, ищутъ спасенія на высотахъ, и разнообразную смерть утопающихъ: одни, истощивъ послѣднія силы, плывутъ въ надеждѣ мнимаго спасенія; другіе хватаются за обломки деревьевъ, и изображаютъ весь ужасъ неминуемой гибели. Громады домовъ, разрушенныя зданія, иныя плывущія, иныя едва видимыя на поверхности воды, означаютъ ничтожные остатки трудовъ и суетности человѣка! Замѣтьте отдѣлку воздуха, дождя, сверкающей молніи кажется, стихіи произвели взаимную брань и колебали общій порядокъ природы! Послѣ покажу вамъ Аркадію; эта картина, достойная вниманія; она, уступивъ сюжету первой, есть лучшее произведение Пуссеня.

— Здѣсь картины Фанъ-Дика, Фламандскаго живописца, ученика Рубенса. Большую часть изъ нихъ вы увидите въ особой комнатѣ. А вотъ Авраамъ приноситъ на жертву Исаака. Какая въра въ лицѣ Патріарха! какое смиреніе отрока, простертаго на жертвенникѣ: первый готовится поразить сына, надежду потомства; второй ободряетъ старца и безъ ропота приноситъ жизнь Создателю своему.

— Вотъ картина, изображающая Исторію святаго Бруна; она хранится въ Картезіанскомъ монастырѣ, трудовъ Сюера, ученика Симона Суетти. Этому живописцу еще можно приписать острый отзывъ, сказанный одному кардиналу. Онъ написалъ Апостоловъ Петра и Павла, и не взирая на общую похвалу искусству, враждующій ему кардиналъ произнесъ не у мѣста сужденіе, сказавъ: Точно, Апостолы изображены превосходно, только

имѣютъ слишкомъ красныя лица.— Святѣйшій Отецъ! возразилъ огорченный художникъ: Апостолы въ настоящемъ своемъ видѣ—они покраснѣли отъ стыда, видѣвъ свою церковь такъ дурно управляемую.

— Чтобы не занять васъ одними предметами, пойдите въ слѣдующую галлею; тамъ увидите совершенно различные сюжеты.

— Что вы скажете о Еленѣ, Царицѣ Спартацкой, супругѣ Менелая, изображенной Греческимъ живописцемъ, ученикомъ Аполлотора? Онъ жилъ около четырехъ сотъ лѣтъ до Рождества Христова. Что вы скажете о пагубной красотѣ, низпровергшей знаменитую Трою? Какія прелести, величіе, стройность! Можно ли всѣ совершенства лучше и правильнѣе вмѣстить въ одномъ предметѣ? Елена, кажется, дышитъ на полотнѣ, и очаровательными взорами къ счастливо-

му Парису заставляетъ покориться владычеству любви, забыть ужасъ войны и близкое паденіе Пергама! По копіи можно судить о превосходствѣ подлинника.

— Вотъ унылая Андромаха, супруга Гектора. Съ какимъ трепетомъ она обращаетъ взоры къ милому герою. Онъ покрытъ чернымъ шлемомъ, въ рукахъ длинное копье, тяжелый щитъ. Лицо Андромахи изображаетъ тоску души и бѣдственное предчувствіе; одну руку простираетъ къ супругу, другою держитъ младенца; полуотверстыя уста, кажется, произносятъ: Гекторъ! останься въ стѣнахъ Иліона! Твой выходъ знаменуетъ гибель и вѣчную разлуку! Герой съ улыбкою смотритъ на милые предметы, и съ величествомъ обращаетъ страшное копье къ полкамъ Аргивскимъ — и, по опредѣленію рока, спѣшитъ принять смерть отъ руки величайшаго изъ Грековъ.

— Наконецъ мы дошли къ бессмертному Апеллесу: Царь Македонскій, Александръ Великій, съ перунами въ рукахъ. Александръ кажется одушевленнымъ. Величіе, мужество блистаютъ въ чертахъ; глаза сохранили огонь, съ которымъ величайшій изъ героевъ несетъ ужасъ и побѣду; опровергаетъ тронъ Дарія и Персидскую монархію! Перунъ изображаетъ скорость и пораженіе; кажется, онъ первый получилъ право, подобно Зевесу, управлять громомъ, поразившимъ дерзновенныхъ Гигантовъ!

— Вотъ Геркулесъ; онъ убиваетъ коней Діампда. Славный Лебрюнь употребилъ всю возможность придать этому полубогу мужественныя черты, исполинскій ростъ и силу. Въ какомъ напряженіи его мышцы! какая твердость въ рукѣ, держащей убійственную палицу! Онъ съ нею проникнулъ за предѣлы Коцита, разрушилъ порядокъ тартара, извлекъ

Альцесту въ объятія отчаяннаго супруга! Художникъ сохранилъ удивительную пропорцію: если закрыть картину, оставить одинъ только мизинецъ, то по немъ можно получить идею о величїи и твердости цѣлаго корпуса.

— Вотъ Сусанна, произведеніе Рембранта. Она прекрасна! Какая шея, грудь, руки! Красавица въ испугѣ противится двумъ старикамъ; одной рукой схватила за високъ дерзкаго сластолюбца, другой отталкиваетъ его товарища — забавная противоположность: одинъ морщится; красавица, держитъ крѣпко клочекъ съ остатками сѣдыхъ волосъ; другой, пользуясь невыгоднымъ положеніемъ товарища, спѣшитъ обнять стройную талию, и протягиваетъ губы лобызать прелестныя уста дѣвицы. Но полноте! Я скоро проговорюсь. — Этой непристойной картицѣ не должно здѣсь находиться, особенно, когда разсматриваешь съ моло-

дымъ художникомъ. — «Я улыбнулся цѣло-мудренной хозяйкѣ, посмотрѣлъ на Сашу, и мысленно сравнилъ, что она какъ, живая красавица, прелестнѣй покойной Сусанны!»

— Вотъ, сударь, еще оригинальная картина! Я не могу видѣть ее безъ досады, хотя она въ своемъ родѣ единственная. Извольте смотрѣть сами и не требуйте моего сужденія.

«Я увидѣлъ старика съ дочерью, въ натуральной величинѣ; онъ казался живымъ; лобъ и голова лоснились, и составили симетрію красному носу, багровымъ щекамъ, и....»

— Вы засмотрѣлись на Лота? спросила г-жа Сенанжъ.

«Сударыня! по неопытности я не могу судить правильно; но эта картина мнѣ кажется превосходна! Художникъ выразилъ страсти совершенно; нельзя

видѣть натуральнѣе дѣйствія вина надъ старикомъ, и...»

— Прекрасно, Антоній! Наконецъ вы стали словоохотны и сдѣлали замѣчаніе, какъ опытный мужъ.

— Теперь посмотрите Амура и Психею; они стоятъ вниманія знатока. Посмотрите, какъ прекрасенъ богъ любви! Тонкая пелена едва прикрываетъ часть тѣла несравненной бѣлизны; по чернымъ, длиннымъ орѣсницамъ можно догадаться о прелести глазъ, сомкнутыхъ сномъ; свѣтло-русые волосы локонами падаютъ на грудь, колеблемую тихимъ дыханіемъ; ямочка на щекѣ, — это мѣсто любовь поцѣловала при рожденіи. Пріятная улыбка украшаетъ лицо, покрытое румянцемъ — розы уступаютъ ему въ живости; онъ, кажется, простираетъ руки обнять милую жену свою. Теперь посмотрите на прекрасную Душеньку съ кинжаломъ и лампадою въ рукахъ; она можетъ спо-

рить въ красотѣ съ богинею любви! Какой восторгъ на лицѣ ея! Она не можетъ насытить взоровъ прелестями супруга. Смущенная сестрами съ пагубнымъ оружіемъ и роковымъ свѣтомъ, Душенька страшилась увидѣть чудовище, и увидѣла бога любви!

— За Душенькой слѣдуетъ Лукреція, героиня древняго Рима. Здѣсь изображенъ трупъ ея; онъ выставленъ для возбужденія къ мести. Взгляните на лица: жестокость и мщеніе выражаютъ бурю, готовую обрушиться на повелителя верховной власти и виновника смерти Лукреціи. Обезображенная кинжалнымъ ударомъ и съ открытою раною въ груди, она еще сохранила остатки величества и гордость, противоположную страсти дерзкаго оскорбителя.

«Моя путеводительница стала развѣтываться, и съ усмѣшкою сказала: Стихотворцы слишкомъ превозносятъ по-

ступокъ красавицы. Я не знаю, за-
чѣмъ Лукреція поразила себя кинжаломъ?

Она...

«Тутъ вошла сутуловатая, косоглазая
ключница, шепнула нѣсколько словъ гос-
пожѣ. Хорошо, отвѣчала послѣдняя; ве-
ли запереть всѣ двери и отказывать
приходящимъ.»

— Теперь, любезный Антоній, мы оста-
вимъ до времени картины; еще оста-
лось двѣ комнаты: въ одной труды Гро-
та, лучшаго художника, въ изображеніи
животныхъ; въ другой разныя эстампы,
карикатуры, и ваши... но дверь въ по-
слѣднюю только отперта истиннымъ
друзьямъ моимъ, въ скромности кото-
рыхъ увѣрена, и надѣюсь, что послѣ ужи-
на Антоній вступитъ въ число ихъ. Те-
перь скажите мнѣ откровенно ваше мнѣ-
ніе о картинахъ безъ всякой лести?

«Сударыня! я слишкомъ молодъ, чтобъ
судить о лучшемъ художествѣ. Разсма-

тривать, удивляться, питать надежду нѣ-
сколько имъ уподобиться, — вотъ все, что
смѣю вамъ отвѣчать.»

— Похвальная скромность означаетъ
противное. Пойдемте; пора ужинать; я
проведу васъ черезъ двѣ залы; мы со-
временемъ ихъ разсмотримъ.

«Я пошелъ за хозяйкою; Саша вне-
реди со свѣчкой. Первая комната вмѣ-
щала различныя древности, статуи, мраморы
и урны; вторая оружейную.»

— Покойный мужъ мой, сказала Сен-
анжъ, служилъ въ полѣ, какъ воинъ
имѣлъ страсть къ этимъ вещамъ и не ша-
дилъ денегъ собирать лучшія. Здѣсь вы
найдете рыцарскіе латы, кольчуги, шле-
мы, щиты, лучшія ружья, сабли, кинжа-
лы и...

«Внезапный взглядъ на убійственныя
оружія обратилъ мое вниманіе; я съ
жадностію разсматривалъ пагубное изоб-
рѣтеніе чловѣка. Онъ содрагается лю-

тости льва, тигра, гиенны, а самъ изобрѣтаетъ средство превзойти лѣсныхъ ратоборцевъ. Первымъ природа дала когти, зубы—они служатъ имъ къ оборонѣ и доставляютъ пищу; послѣднимъ умъ. Одни, по натуральному инстинкту, бросаются открыто терзать свою жертву, для утоленія голода; вторые употребляютъ огонь и желѣзо. Первыхъ приводитъ къ тому необходимость, а послѣднихъ ненависть, корысть и злоба. Множество кинжаловъ различной величины, въ богатой отдѣлкѣ, особенно нравились мнѣ; я воображалъ какъ ревнивый Испанецъ, бѣшенный Турокъ, поражаетъ ими сердце врага или соперника, и какъ хитрый Итальянецъ, скрывая кусокъ острой стали, выискиваетъ удобное мѣсто, гдѣ-бъ поразить на-вѣрное, воспользоваться не силою, а коварствомъ, изъ видовъ корысти или мщенія!»

— Вы засмотрѣлись на кинжалы? сказала Сепанжъ. Это странно! Они могутъ нравиться воину, а не мирному художнику. Вы только кистию изображаете ужасы смерти, а въ душѣ любите тишину и свободу; безъ нихъ искусство и наука теряютъ свое преимущество. Но если вы знатокъ въ этомъ родѣ, то я съ охотою вамъ дарю.— «Она сняла со стѣны небольшой Турецкій кинжалъ въ серебряной оправѣ.» — Вотъ этотъ изъ лучшихъ. Примите въ знакъ дружбы и... «Лицемѣрка не договорила слова, о которомъ легко можно догадаться — я съ удовольствіемъ принялъ подарокъ.»

«Теперь должно согласиться съ справедливимъ доказательствомъ доктора Пангоса, что на свѣтѣ все идетъ къ лучшему: могъ ли я думать, получивъ кинжалъ, что чрезъ нѣсколько часовъ онъ посрамитъ развратную женщину, защи-

титъ милую дѣвицу, и послужитъ къ моему спасенію!

«Мы возвратились въ небольшую комнату; у дивана стоялъ маленькій круглый столикъ съ двумя приборами. — Теперь, любезный Антоній, сказала Сенанжъ, отужинаемъ вмѣстѣ, и за рюмкою вина сблизимъ наше знакомство. — Сенанжъ умѣстила на диванѣ, сама придвинула мнѣ кресла, и мы принялись за ужинъ. Хозяйка часто наполняла рюмки. Вино, разгорячивъ воображеніе, возвратило мнѣ веселость; я смѣло пустился въ разговоры, но шутки и двусмысленныя слова большею частію относились къ Сашѣ.

«Надо признаться, сударыня, вы имѣете удивительную горничную; я не ждалъ у крыльца и одной минуты; кажется, она хотѣла ускорить моимъ счастьемъ.»

— Правда, она исполнительна, только немного простовата и вѣтренна. — Вотъ видите ль? Можно ли такъ звать?

приборы надо переимѣнить, она смотритъ и слушаетъ, какъ будто понимаетъ.

«Саша точно стояла въ задумчивости, и услыша выговоръ, спѣшила поправить ошибку; она, схвативъ тарелки, одною задѣла меня по виску, а другую уронила на полъ.»

— Глупая тварь! вскричала Сенанжъ — ты ушибла гостя! — Она вскочила, я успѣлъ удержать руку, поднятую для пораженія красавицы.

«Сударыня, успокойтесь! я не чувствую боли! это одна нечаянность, и можетъ случиться со-всякимъ, — простите для меня.»

— Она не стоитъ того, и часто дѣлаетъ подобныя шалости; но вамъ нельзя отказать. Благодарю г-на живописца за милость. — Саша потупила голову; двѣ крупныя слезы выкатились изъ прелестныхъ голубыхъ глазъ ея; она молчала.»

— Ты вѣрно опѣмѣла? Куда дѣвалось проворство языка? Видите, сударь, ваша похвала не у мѣста: она дура, повѣса...

«Чтобъ прервать выпыльчивость хозяйки и защитить бѣдную дѣвушку, я сдѣлалъ удачный оборотъ и, наливая рюмку, сказалъ: извините! я теперь ничего не вижу и не слышу кромѣ васъ.»

«Сенанжъ улыбнулась, раскрыла ротикъ до ушей, выставила два ряда черныхъ зубовъ, за учтивость дала мнѣ ногою толчекъ, и чуть не оцарапала кожи; я не остался въ накладѣ, заплатилъ тою же монетою. Подстольныя наши забавы дали время оправиться задумчивой Сашѣ; она, вышла бросила на меня взоръ, выражающій, что разсѣянность ея происходитъ отъ причины вовсе не понятной госпожѣ.»

— Антоній! какъ мнѣ пріятна твоя веселость; она приводитъ на память счастливое время первыхъ дней замужства!

Покойникъ (царство ему небесное), точно такъ сиживалъ противъ меня какъ ты—нельзя, о томъ вспомнить, чтобъ не разсѣяться и вмѣстѣ не заплакать о потерянномъ!—«Тутъ она бросила въ меня шарикъ изъ хлѣба, я сдѣлалъ тоже.»

— Шалуны! бросать хлѣбъ грѣшно! За такую вину ты долженъ меня поцѣловать!— И не дождавъ начала, схватила меня за уши, чтобъ не оставаться безъ дѣла, толстое красное ухо Сенанжъ находилось въ моей рукѣ.

«Внезапный ахъ! и стукъ прервали восторги лицемѣрки; она вздрогнула такъ не ловко, что диванъ затрещалъ.»

«Это была Саша; она несла блюдо съ пирожнымъ. Бѣдная малютка остолбенѣла, увидѣвъ меня такъ близко возлѣ госпожи, уронила ношу, испугалась, и вскрикнула.»

«Можно представить бѣшенство этой женщины: вскочить, вцѣпиться, осыпая

пощечинами, стоило одной минуты. Видѣвъ опасность Саши я бросился къ ней на помощь, и заслонилъ собою.»

— Пустите, сударь! пустите! не мѣшайте раздѣлаться съ безстыдницей!...

«Ради Бога, успокойтесь! это бездѣлица, ничего не значить, одна скорость...»

— Да, скорость... перехватила наступающая громада — эта скорость причиною, что... разбилось блюдо... «— Одышка помѣшала ей кончить.»

«Сударыня, за преданность къ вамъ Саша стоитъ пощады, простите!... эту милость я постараюсь заслужить вѣрною... я не могъ окончить начатой лжи... а какъ необходимость заставляетъ и медвѣдя плясать по дудкѣ скомороха, то, сберегая милую дѣвицу, я сдѣлалъ себѣ насиліе — взявъ потную руку и поцѣловалъ съ пѣжностію.»

— Антоній! ты камень можешь тронуть, и показываешь преимущество муж-

чинъ надъ слабымъ поломъ! одна просьба обезоружила гнѣвъ мой. Хорошо; я прощаю, сядемъ по прежнему.— «Тутъ Сенанжъ захохотала весьма натурально.»— Послушай—глупая дѣвчонка видѣвъ насъ такъ близко, можетъ подумать и Богъ знаетъ что. А дура не понимаетъ о чемъ шло дѣло. Теперь поди въ свою комнату; я сама все уберу, и если понадобится, приду за тобою.

«Печальная Саша исполнила приказаніе, подобрала въ передникъ разрушенный пирогъ съ остатками блюда, посмотрѣла на меня! быстро и медленно вышла. Ахъ! какой взглядъ! я прочиталъ въ немъ любовь, ревность и презрѣніе. Она молча выразила сокровенныя чувства.»

«Съ отсутствіемъ красавицы стыдъ и досада замѣнили во мнѣ другія мысли; я покраснѣлъ и сталъ безмолвнымъ.»

— Что съ тобою сдѣлалось? спросила поспѣшно Сенанжъ?

«Я много пилъ, чувствую круженіе въ головѣ, прикажите подать воды?»

— Пустое! шампанское скорѣй разгонитъ дурноту. — Я опорожнилъ нѣсколько бокаловъ, вино произвело свое дѣйствіе, я сталъ весель, и... Вдругъ раздался громкій голосъ.

— Пустите! говорятъ вамъ, пустите!

— Ахъ! Боже мой! мы погибли! вскричала Сенанжъ, соскочивъ проворно съ дивана.

— Нельзя, сударь! повторяли вмѣстѣ и довольно внятно косая ключница и рослый лакей, барыня нездорова, легла опочивать.

— Что нужды! кричалъ голосистый крикунъ. Я разбужу. Если больна, дамъ лекарства, — въ шкафу пузырьковъ довольно.

— Подумайте, сударь, теперь 11-ть часовъ, и непристойно...

— Слушай, карга! и ты долговязая скотина! если меня раздражите, то я васъ и всю вашу челядь такъ швырну, что въ недѣлю не отыщутъ!

— Антоній! мы погибли! шептала дрожащая Сенанжъ. Это Тумаковъ, человекъ умный, добрый, только немножко безпокоенъ, когда выпьетъ, — онъ убьетъ тебя. — Спасайся. Саша! Сашенька! повторяла Сенанжъ въ полголоса, ступай скорѣй! и между тѣмъ спѣшила тарелки и бутылки ставить въ шкафъ. Ахъ! Боже мой! онъ ломится въ двери!

«Я не заставилъ повторять, схватилъ подаренный кинжалъ, готовился выйти, не зная куда, и чтобъ поддержать себя, сказалъ: что вы такъ испугались? прикажите впустить, я научу негодя въ живости.»

— Опомнись, Антоній! ты хочешь драться? Это грѣхъ.— Онъ сильнѣе тебя, ростомъ близъ сажени, это Геркулесъ! Что намъ дѣлать? Онъ ломится!— «Тутъ дверь затрещала и отъ сильнаго толчка чуть не соскочила съ петель. Я услышалъ по голосамъ, что пять или шесть челоуѣкъ удерживали его и онъ швырялъ ими какъ мячиками.

«Прибѣжала на сикурсъ Саша.— Гдѣ ты была? Ты спишь, а госпожа гибнетъ. Вотъ ключъ отъ калитки и крыльца, выведи какъ можно скорѣе гостя тайнымъ переходомъ.— Прощай, милый Антоній! Ахъ! какая развязка? какой конецъ моимъ желаніямъ? Не сердись! приходи завтра, въ эту пору, никто намъ не помѣшаетъ — прости.— «Она сдернула съ пальца алмазное кольцо, положила мнѣ въ руку.»— Надѣнь и носи. Ахъ! спасайся! онъ здѣсь.

«И точно, едва я успѣлъ выскочить въ потасенныя дверцы, которыхъ прежде

не замѣтилъ, и дверь оставленной комнаты разлетѣлась; страшный голосъ отзывался какъ изъ бочки.— Дьяволь меня возьми, если тутъ нѣтъ шашней! Горница убрана, ты разрядилась, тарелки стучали.... Если кого найду здѣсь, то будетъ потѣха, и чорту барань! однимъ махомъ разможжу голову—будь я анафема, проклять, если не надѣлаю проказъ....

«Послѣднія слова я слышалъ изъ-далека. Саша, схвативъ меня за руку, вела по темному коридору, и говорила: не бойтесь! теперь мы въ безопасности!

«Боятся? мнѣ только жаль, что не удалось поколотить забіяку!»

— Нѣтъ, сударь! съ нимъ Боже сохрани схватиться; слышите, какъ онъ возится?

«Я сталъ оправляться отъ страху, прижалъ крѣпче миленькую ручку Саши и обнялъ ее.»

— Перестаньте! это не годится; здѣсь темно. Она оттолкнула меня.

«Саша! что это значитъ? ты сердишься? О, я поцѣлую тебя!»

— Говорятъ вамъ, отстаньте! Завтра приходите въ назначенное время, и цѣлуйте госпожу сколько угодно, а до меня не дотрогивайтесь.

«А! теперь понимаю? ты ревнуешь?»

— Совсѣмъ нѣтъ! Можетъ ли бѣдная сирота, приемышь, ревновать къ госпожѣ богатой; одна можетъ только любить, а другая....

«Несправедливая Саша! Если-бъ ты знала, какъ несносно мнѣ притворство и минуты, когда показывалъ, что отвѣчаю на любовь къ госпожѣ.... но я жертвовалъ собою для тебя!»

— Покорно благодарю! Вы скоро уверите, что для меня сидѣли на диванѣ, и....

«Милая, прелестная Саша! ты неопытна, не знаешь, сколь обманчива наруж-

ность? Надо видѣть мое сердце и потомъ обвинять!»

— Сердце закрыто, а что касается до наружности, то я, сударь, не слѣпа! Ахъ! не жмите меня—васъ вѣрно проводить. Тумаковъ занялъ ваше мѣсто; его не выживутъ такъ скоро!...

«Насмѣшка Саши показалась мнѣ колкою! Ты не вѣришь мнѣ? не хочешь выслушать оправданія? жестокая! я уйду, умру съ печали. Прощай, ты меня никогда не увидишь! Я притворно сдѣлалъ движеніе, что хочу удалиться.»

— Куда это, сударь! Въ потьмахъ, въ незнакомомъ мѣстѣ, вы не сыщете двери, да и ключъ у меня. Подождите, я принесу свѣчку, провожу васъ — завтра увидимся.

«Завтра? Нѣтъ—повторяю никогда! Я вторично пришелъ въ этотъ домъ единственно для тебя—для тебя угождалъ страсти ненавистной женщины! Ты поль-

етивъ пріятною надеждою, заплатила неблагодарностію. Твоя откровенность, невинность, очаровали меня! Ахъ эта мечта исчезла! я думалъ отыскать сердце полное, открытое любви, и нашелъ одну холодность! Саша! ты не хочешь проникнуть въ мою душу и вмѣсто несправедливаго упрека, бросаешься въ объятія мои, награждать взаимно страстію, награждать любовь пламенную, вѣчную, которую и самая смерть не можетъ охладить.»

— Ахъ, сударь! что вы говорите? Я скоро заплачу. Она прижалась тихонько къ груди моей.—Вы хотите любить меня вѣчно? Можетъ ли это случиться? Барыня утверждаетъ, что одно богатство составляетъ счастье, а безъ него любовь одна горестъ. Признайтесь, вы сами къ ней пришли за деньгами?

«Ты обижаешь меня, если думаешь, что одна корысть привела въ этотъ

домъ? Точно, вчера я имѣлъ нужду въ деньгахъ, принесъ эстампы, продалъ, и вѣрно не поспѣшилъ-бы за остальными деньгами, если-бъ не встрѣтился съ тобою. Долгъ доставилъ случай еще видѣть тебя; притворяться согласнымъ на желаніе госпожи, значило получить право на свободный входъ, отыскивать любовь твою, для которой готовъ на все рѣшиться.—Теперь знай, Саша, я не бѣдный художникъ, я единственный сынъ и наследникъ богатыхъ родителей. Пойдемъ въ твою комнату; тамъ поговоримъ свободно, тамъ увѣрю, что ты вѣчно станешь обладать мною.

«Дѣвушка молчала; я цѣловалъ пламенные ея щеки, розовыя уста; она не противилась. Ты молчишь, и за всѣ мои ласки не хочешь наградить однимъ поцѣлуемъ? Жестокая! ты меня не любишь?»

— Ахъ, сударь, вы несправедливы! Я не могу выразить, что со мною дѣлается;

не могу говорить как вы... но что чувствую... тут робкія ея уста запечатлѣли на губахъ моихъ первый поцѣлуй вѣчной любви!

«О Саша! доверши мое счастье! повтори этотъ поцѣлуй?»

— Я поцѣловала васъ и остаться больше не могу.

«Не хочешь?...»

— Не скажу, чтобъ не хотѣла! Какой-то страхъ, совѣсть, предчувствіе, удерживаютъ показать вамъ мою каморку — притомъ барыня придетъ запереть дверь....

«Пустое! она съ Тумаковымъ вѣрно забудетъ о дверяхъ, — пойдемъ!»

— Хорошо, сударь, только съ уговоромъ, посидѣть минутъ пять и домой.

«И вотъ я въ жилищѣ милой дѣвицы. Одна небольшая кровать съ тюфякомъ, столъ, два стула и огромный платяной шкафъ, составляли необходимость и все убранство комнаты; но самый храмъ Ци-

терской богини не могъ казаться столь прелестнымъ; милая хозяйка дикую пустыню могла превратить въ жилище радости.»

— Вотъ, сударь, моя каморка! садитесь, только извините, не чѣмъ васъ подчивать! не умѣю занять какъ госпожа моя, она знаетъ все на свѣтѣ. «Заботливая Саша поправила свѣчу, взяла мою шляпу, положила на столъ, и когда я придвинулъ стулъ, то маленькою ручкою показала на кровать: садитесь сюда; стулъ простой, на немъ безпокойно — правда, и постель не слишкомъ мягка, а все таки лучше!»

«Съ охотою, милая! а ты?..»

— Мнѣ должно стоять — вы не простой живописецъ, и, кажется, сказывали о родителяхъ, богатствѣ.

«Любовь сблизжаетъ все сестоянія и....»

— Полноте, сударь! это уже совѣтъ негодится; я сяду подлѣ васъ.....

Мы услышали шаги въ корридорѣ—Саша съ ужасомъ произнесла: это госпожа!

«Не терявъ времени, я задулъ свѣчу.»

— Саша! ты спишь? спросила за дверями Сепанжъ.

— Сплю, сударыня, отвѣчала дрожащимъ голосомъ дѣвица.

— Ты отъ страха одурѣла; спать и отвѣчать къ одно время нельзя?

Нельзя,—сударыня.

— Ты проводила Антонія?

«Я ей шепталъ на ухо—скажи проводила.»

Проводила,—сударыня

— Онъ вышелъ сердитъ, или нѣтъ? придетъ ли завтра?

«Скажи: сердитъ, и никогда не придетъ.»

— Сердитъ, сударыня! очень сердитъ! и теперь сказалъ, что никогда не придетъ.

— Теперь сказалъ? Дура, проснись! мнѣ болтать съ тобой нѣкогда! Ты вѣрно спросила, гдѣ онъ живетъ?

— Нѣтъ, сударыня...

— Безмозглая!... въ тебѣ нѣтъ ума ни крошки, я тебя выгоню!.. и

— Ахъ, не сердатесь сударыня! я теперь спрошу.

— Кого спросишь?

— Его, сударыня...

— Я лопну съ досады! Да развѣ онъ здѣсь, что ты спросишь?

Нѣтъ, сударыня, да это все равно.

— Слушай! я стащу тебя съ постели, выгоню на улицу, заставлю за нимъ бѣжать, и до тѣхъ поръ не пушу въ домъ, пока не отыщешь.

«Говори за мною шепталъ я Сашѣ: виновата, заспалась. Антоній вышелъ, я спросила: гдѣ вы живете? онъ сказалъ у живописца Арнольди; тамъ всѣ меня знаютъ.»

— На силу схватилась за умъ! Теперь спокойно могу возвратиться въ свою комнату. Антоній вѣрно придетъ!

а въ случаѣ можно и послать. Не говорилъ-ли онъ о шумѣ? обо мнѣ? ну! отвѣчай?

— Онъ говоритъ сударыня... онъ говоритъ!...

— Опять бредишь. Ну, что онъ говоритъ?

«Чуть дыша, я диктовалъ на ухо Сашѣ; она повторяла съ измѣненіемъ: онъ говоритъ, что г. Тумаковъ бездѣльникъ, буянъ, пьяница и вашъ любовникъ.»

— Ну это ничето, — одна ревность. Бѣдный мальчикъ! А обо мнѣ?

— Объ васъ.... нѣтъ, сударь, я этого не смѣю сказать.

— Кой чортъ у тебя на языкѣ вертится? Какъ будто съ кѣмъ шепчешь?

— Нѣтъ-съ, я не шепчусь; онъ...

— Я выхожу изъ терпѣнія. Сказывай, что онъ говорилъ обо мнѣ?

— Извините, сударыня; это право не я. Онъ велитъ сказать—что вы ханжа, лицемѣрка, старая обезьяна...

— Ты дерзкая, глупая дѣвчонка! Теперь спи, утромъ больше получу толку. «Она съ досадою заперла дверь ключемъ, и ушла.»

«На-силу провалилась! — Отъ служил-жъ мы ей славно.» Я обнялъ Сашу.

— Ахъ, Боже мой! что станемъ дѣлать? Дверь заперта, огонь потушенъ; я боюсь! Слезы дѣвицы канули на мою щеку.

«Ты плачешь? Успокойся, милая; лицемѣрка наказана и сама мнѣ отдала свою соперницу.»

— Хорошо вамъ говорить, да какъ выбраться отсюда? Здѣсь до утра вездѣ заперто.»

«Что нужды; если проведу съ тобою нѣсколько часовъ, то готовъ умереть и сказать, что жилъ довольно, а пока дышу, никто не оскорбитъ тебя; этотъ вечеръ неволи твоей есть послѣдній; завтра я тебя увезу.»

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь? Да какъ это можно? Барыня не отпуститъ.

«Ея позволенія не спросятъ; сядемъ— я все тебѣ расскажу, открою планъ будущей жизни... Согласна ли и даешь-ли слово любить меня?»

— Любить? Прекрасный вопросъ? Я и такъ люблю. Она прижалась ко мнѣ и поцѣловала.

«Это знакъ согласія?»

— Не знаю; однако-жъ трудно вамъ отказать. Ахъ! оставьте меня?

«Изволь, я тебя оставлю—тебѣ нуженъ покой; ты устала, ложись отдохни.

— А вы?

«Я сяду на стулъ у окна.»

Какъ это можно? Тамъ дуетъ, несетъ, вы простудитесь, занеможете. Посмотрите на дворъ... дождь и громъ... это страшно.

«И точно, гроза съ дождевыми тучами покрывала небо.

— Въ самое это время блеснула молнія раздался громовый ударъ..... Такъ, я виновата

«Она говорила все, что чувствовала: я рассказывалъ о себѣ (и разумѣется, не со всѣми подробностями). Саша распорядилась чтобъ на разсвѣтѣ спрятать меня въ шкафъ,—и когда люди займутся въ домѣ дѣломъ, вывести въ калитку посредствомъ ключа, оставленнаго госпожею Сенанжъ.»

«Друзья! (сказалъ Антонъ Ивановичъ, положивъ тетрадь) — я вижу улыбку на лицахъ вашихъ; вамъ кажется странно что старикъ съ жаромъ юности выражаетъ происшествія, бывшія слишкомъ за сорокъ лѣтъ. Подумайте! Я вспоминаю счастливыя минуты юности; онѣ останутся вѣчно въ моей памяти; лѣта, горести, и самое время не изгладятъ образъ Саши и Лауры изъ моего сердца!... (Вы скоро узнаете о второй). Притомъ въ устройствѣ чловѣка не послѣдній

дарь Провидѣнія, что счастье онъ помнитъ долѣе и сильнѣе чувствуетъ. Бѣдность, униженіе, болѣзни, кладутъ мрачную печать на чело его; но если онъ превозможетъ душевныя скорби, и счастье улыбнется къ нему снова, то прошедшее ему покажется тяжкимъ сномъ, онъ живѣе станетъ чувствовать и пользоваться настоящимъ. Если во все теченіе горизонтъ бѣдственной его жизни покрывался однѣми тучами, и только изрѣдка проглядывало солнце, то повѣрьте, онъ преимущественнѣе скажетъ о послѣднемъ! Антоць Ивановичъ взялъ тетрадь и продолжалъ:

«Громкое восклицаніе и внезапной свѣтъ прервалъ наши разговоры. Саша вскрикнула, лишилась памяти, — я смотрѣлъ въ оба глаза и, отягченный дѣйствіемъ сна и страшнымъ явленіемъ, оставался неподвижнымъ.

«Простоволосая, косматая женщина, съ сверкающими глазами, бѣшенымъ лицомъ,

съ лампадою въ рукѣ, поразила взоръ мой, какъ фурія; недостовало одной косы этой адской посѣтительницѣ (*). Это была Сенанжъ, въ пріятномъ безпорядкѣ спальнаго убора. Она стояла передъ нами, тряслась, усиливалась кричать, броситься подобно львицѣ, у которой похищаютъ чадъ, чтобъ растерзать дерзновенныхъ! Но волнуемая бѣшенствомъ, нѣсколько времени оставалась въ бездѣйствіи и, наконецъ, дрожащимъ, отрывистымъ голосомъ стала говорить или шипѣть.

— Бездѣльникъ! Такъ ты наградишь мою любовь? Страшись! мое мщеніе, превзойдетъ предѣлы! Ты погибнешь! я васъ задушю моими руками. Она поставила лампаду на столъ.

«Изступленная лицемѣрка трепетала, глаза ее наполнились кровью; она вскрик-

(*) Въ одной рукѣ коса—въ другой у ней лампада —

То фурія идетъ, согнувшись, изъ ада.

нула дикимъ голосомъ: прочь, измѣнникъ! и схвативъ меня за руку, стащила со стула; потомъ вцѣпилась въ распущенные волосы безчувственной Саши, бросила ее на полъ.

«Увидѣвъ опасность несчастной дѣвicy, я кинулся къ ужасной соперницѣ, толкнулъ ее въ грудь. Подлая женщина! если тебѣ нужна жизнь, возьми мою, и не смѣй касаться Саши! Я стану защищать ее до послѣдняго дыханія.»

— Мальчишка! что ты можешь сдѣлать? Стоитъ кликнуть людей, и....

«Я могу умереть и обнаружить твое преступленіе....»

— Что за шумъ? бормоталъ охриплый голосъ, и огромная толстая туша ввалилась къ намъ въ горницу. Я догадался, что это грозный г. Тумаковъ.— Кѣй чортъ? говоритъ онъ, протирая глаза, что у васъ дѣлается?

— Ахъ, Власъ Пахомычъ! отвѣчала Сенанжъ (этотъ приходъ ей не очень нравился), мы занимались.... читали.... а въ это время неизвѣстный мальчишка, этотъ негодяй, сорванецъ, забрался къ Сашѣ. Ахъ, не могу кончить!... я задыхаюсь отъ досады!

— Что-такое? какъ?... нашихъ!... заревѣлъ косматый исполинъ! Ахъ, чертенокъ! я изувѣчу тебя, какъ собаку! Подобраться къ Сашѣ! Ахъ, ты мошенникъ! Да этотъ кусочекъ пригодился-бъ и не твоей рождѣ! А Саша?... эта невинная, упрямая дѣвчонка?... О! вражеское сѣмя! Постой, я раздѣлаюсь съ вами!

«За угрозами послѣдовало дѣйствіе. Онъ размахнулся, ударилъ меня кулакомъ въ голову, такъ сильно, что, по пословицѣ, искры посыпались изъ глазъ, кровь хлынула изъ носу.— Раздраженный Тумаковъ повторилъ ударъ по щекѣ, и чуть не выворотилъ мнѣ челюсти. Я упалъ,

а Сенанжъ, схвативъ Сашу за волосы, та-
скала по полу. При этомъ паденіи дѣви-
ца взглянула на меня и, увидѣвъ простер-
тымъ на полу, вскрикнула ужасно, и сно-
ва лишилась памяти.

«Услыша голосъ Саши, я забылъ соб-
ственную опасность, не видѣлъ, что стою
у дверей гроба; отчаяніе одушевляло ме-
ня. Собравъ послѣднія силы, я схватилъ
за ногу Тумакова, когда онъ наклонился
душить меня, и повалилъ. Исполнивъ, па-
дая, задѣлъ головою шкафъ; полъ затре-
щалъ отъ тяжести, и онъ, какъ Челубей,
занялъ своимъ тѣломъ большую часть гор-
ницы (*). Тутъ я вскочилъ, и какъ пад-
шій Голиафъ былъ еще ужасенъ, то бро-
сился къ столу; на немъ лежали, фракъ
мой и кинжалъ, подарокъ Богомолки.

(*) Изъ трагедіи Ломоносова:

Одно несчастіе Мамаю сокрушаетъ,

Что сильный Челубей въ крови лежитъ,

Легитъ—и поля часть велику покрываетъ.

«Кусокъ свѣтлой стали блеснулъ въ
моей рукѣ; лучъ надежды воскресилъ
меня. — Не теряя секунды, я схватилъ
за плечо великана, прижалъ колѣномъ
ему грудь и приставилъ къ горлу кин-
жалъ.— Ни съ мѣста!... или прокою твою
глотку! Лежи и не шевелись!

«Сенанжъ остолбенѣла; кинжалъ гото-
вый поразить Тумакова, безчувствіе Саши,
мое отчаяніе, представили ей картину
смерти.

— Антоній! вскричала она— Антоній!
не погуби меня!

— Чертенюкъ! бормоталъ Тумаковъ— ты
колешь мнѣ горло; пусти на покаянье душу!

«Нѣтъ! прокою на вылетъ, если по-
шевелишься!

«Хмѣль выскочилъ изъ головы его;
онъ лежалъ, какъ связанный баранъ, и
не смѣлъ дышать. Сенанжъ стояла на
колѣняхъ съ умоляющимъ видомъ; я об-
дивался кровію, текущею изъ носа и

рта, Саша пришла въ чувство, и въ безмолвіи, въ судорожномъ припадкѣ, смотрѣла на окружающіе предметы. Хозяйка первая получила возможность мыслить и дѣйствовать.»

— Антоній! сказала она: ты торжествуешь! Прости меня! Требуи, возьми, что хочешь, и удались скорѣй отсюда!

«А Саша!»

— Она останется здѣсь!...

«Здѣсь? на жертву твоему бѣшенству?... Нѣтъ!... скорѣй погибнемъ всѣ!...»

— Умилосердись!...

«Хорошо, кончимъ миролюбно; принеси паспортъ Саши, проводи насъ, отпри калитку, и я все забуду...»

— Ты требуешь невозможное!...

«Невозможное? Такъ умри!—Я поднялъ кинжалъ; Тумаковъ испустилъ вопль...»

— Антоній, я на все согласна. Она бросилась въ дверь, какъ сумасшедшая; черезъ нѣсколько минутъ, принесла бумагу,

большую простыню, сложила платье дѣвicy. Вотъ вамъ ее билетъ, одежда и годовое жалованье—Она завязала узелъ. Ступайте, я провожу васъ. — Тумаковъ знаками ободрялъ поступки своей возлюбленной, а Саша все еще стояла въ оиѣмѣніи. Сенанжъ, чтобъ избавиться гостей, подскочила къ дѣвущкѣ, надѣла на нее платокъ, шинельку, шляпку: Ступай, неблагодарная дѣвчонка. Если-бъ ты знала, кого оскорбила! Но это кончено... я проклинаяю тебя!...

— И я тоже, повторилъ Тумаковъ....

«Молчать!... или...»

— Виновать, сударь! Языкъ-бо есть врагъ мой....

«Это доскажешь безъ меня. Лежи смиренно, пока одѣнусь. Отирая текущую кровь, я вынулъ изъ жилета кольцо лицемѣрки.

«Почтенный г. Тумаковъ, выслушайте меня лежа. Этотъ подарокъ я получилъ отъ вашей подруги, и скажу: бе

регите красавицу: она украситъ вашу ученую голову моднымъ нарядомъ — рогами. Еще повторяю, лежите смирно, пока не уйду, иначе, отправлю васъ къ чорту; а васъ, сударыня, позвольте поблагодарить за угощеніе, ласки и любовь; послѣднюю, съ поизношенными прелестями, уступаю въ вѣчное и потомственное владѣніе г. Тумакову. Теперь не угодно-ли посвѣтить намъ, а завтра пригласите друзей въ картинныя комнаты. Мои эстампы послужатъ разсвѣніемъ въ вашей горести о покойномъ супругѣ— прощайте!

«Посрамленная Сенанжъ потупила голову, и вѣрно-бъ возобновила сраженіе, если-бъ не спасительный кинжалъ; онъ мелькалъ въ ее глазахъ. Хозяйка взяла свѣчу, молча, пошла впередъ; я взялъ за руку блѣдную, дрожащую Сашу, не забылъ узла, пошелъ слѣдомъ. Власть Пахомычъ лежалъ смирно. Сенанжъ отво-

рила калитку, мы вышли. Всякой могъ подумать, если-бъ взглянулъ на лицемѣрку, что добрая мамушка или услужливая гувернантка провожаетъ свою питомицу.

«И вотъ мы на свободѣ; однако-жъ опасность не миновалась. Нѣжная моя подруга, вышедъ за калитку, сѣла на стоявшую вблизи скамейку.

— Антоній! я не въ силахъ идти! Въ головѣ жестокая боль; колѣна мои дрожать, я не пройду и одной улицы. Ахъ! это страшно! Что мы станемъ дѣлать?

«Я самъ чувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ, правой скулъ, боку, и, скрывая свое положеніе, сѣлъ подлѣ Саши, чтобы нѣсколько оправиться и подвязать щеку. Гроза не утихала, дождь лился проливной, порывистый вѣтеръ сбивалъ съ ногъ; темнота ночи въ двухъ шагахъ препятствовала различать предметы, а до квартиры была слишкомъ верста. Что оставалось дѣлать?

Дождаться разсвѣта? Стоять на одномъ мѣстѣ казалось невозможнымъ, — насъ могли счесть за подозрительныхъ людей и взять подъ стражу. — Саша! сказалъ я, если мы станемъ мѣшкать, то подвергнемъ себя новой бѣдѣ. Укрѣпись, милый дружечикъ, встань, я понесу тебя на рукахъ, держи только узелъ.... Я взялъ Сашу, пронесъ двѣ улицы и опустилъ драгоценную ношу; — силы мнѣ измѣнили.

— Антоній, ты усталъ, я промокла, озябла; дай мнѣ руку и веди куда угодно.

«Ободривъ себя взаимно, мы прошли половину дороги, и вдругъ наткнулись прямо на людей. Это былъ полицейскій дозоръ. Офицеръ съ командою заботился о пьяномъ чловѣкѣ, лежащемъ на улицѣ; только недоставало, къ нашему несчастію попасть въ руки этимъ господамъ.»

— Кто идетъ? закричалъ одинъ изъ дозорныхъ, преградивъ намъ дорогу. Защищаться и бѣжать, мы лишились возможности. Саша отъ страху вздрогнула; я успѣлъ только шепнуть ей: закрой лицо.

«Крайность и отчаяніе не рѣдко производятъ великія дѣла. Трусъ, видѣвъ неизбежную гибель, приходитъ въ ожесточеніе и кажется героемъ; дуракъ въ нуждѣ изобрѣтаетъ средства, которыя умнымъ во всю жизнь не приходять въ голову. Я избралъ другой путь: прибѣгнулъ къ безстыдству и показалъ себя достойнымъ ученикомъ Шедонія. Мнѣ пришла счастливая мысль, я вспомнилъ исторію г жи Си....»

— Ба! да ты, братъ, не одинъ?... съ товарищемъ женскаго пола. А узелокъ, кажется, набитъ плотно! сказалъ писарь, — пойдемъ-ка въ будку! Тамъ по-

евѣтять, осмотрять. Что сталь? Видно огонекъ не по животу? пойдѣмъ!

«Полно бредить! Позови ко мнѣ скорѣй офицера!»

— Къ тебѣ офицера? Экой гусь!

«Говорятъ, позови, не то выйдетъ плохо! Съѣзжая отсель недалеко.»

«Голось и повелительный тонъ произношенія изумили писаря; онъ пошелъ къ офицеру; тотъ, раскачиваясь важно, приблизился къ намъ. — Что за люди? такъ поздно? откуда? съ узломъ? Тутъ краденныя вещи. Подай; должно осмотрѣть!»

«Да развѣ въ потьмахъ можно видѣть? и...»

— Ахъ! негодяй! въ будку! узелъ взять!

«Полноте вздорить! я шепнулъ ему, на ухо—это г-жа Си.»

Какъ? Возможно-ли?

«Точно, мы идемъ отъ г-на Б...»

— А! разумѣю!—разумѣю. Извините, милостивая государыня, непримѣтилъ; точ-

но, товаришь вашъ правъ, что однѣ только кошки видятъ въ потьмахъ. Да что пѣшкомъ? Въ такую погоду долго ль простудиться?

«Къ г-ну Б... прѣѣхала изъ деревни супруга со всею дворовою сволочью, и такъ нечаянно, что на-силу выскочили. Надо-жъ случиться несчастію? Одинъ кучеръ напился пьянъ, а Степка вывихнулъ ногу; нечего дѣлать, пришлось ретироваться на своихъ. Однако-жъ нѣкогда калякать—прикажите одному изъ вашихъ людей проводить насъ чрезъ этотъ переулокъ.»

Саша прислонилась къ стѣнѣ каменнаго дома, слушала съ удивленіемъ странный разговоръ, и ничего не понимала.

«Пойдемте, сударыня! Офицеръ далъ намъ проводника. Я взялъ за руку дѣвушку и повелъ.»

— Антоній! что это значить?

«Молчи, не спрашивай; солдатъ можетъ догадаться.

«Мы шли молча, и когда миновали переулокъ, приблизились къ съѣзжей, я выпуль изъ кармана серебряную монету, далъ провожатому. Спасибо, братъ, возьми на водку».

— Покорно благодарю, ваше благородіе!

«Кланяйся, и поблагодари г-на поручика.»

— Слушаю, ваше благородіе! Онъ повернулся и пошелъ.

«Быстрая выдумка имѣла счастливый успѣхъ; мы ускользнули изъ полицейскихъ рукъ.

«Наконецъ мы добрались къ воротамъ моего жилища; я постучалъ въ калитку; дворникъ, мой повѣренный, вышелъ съ фонаремъ.»

— Откуда, сударь, такъ поздно? Ай! ай! да вы не одни? Съ кѣмъ это прика-

тили? Господи! съ нами крестная сила! продолжалъ дворникъ, осматривая насъ при свѣтѣ фонаря. Вы въ крови, какъ рѣзанный баранъ; согнулись на одинъ бокъ.... Барышня мокра, какъ утка — чуть дышитъ. Не закричать ли карауль?

«Ты взбѣсился, Яковъ! Проводи насъ скорѣе въ твою лачугу; я повिдаюсь съ княземъ, и возьму дѣвушку.»

— Хорошо! да стойте прямѣй! Васъ совсѣмъ перегнуло.... а, этотъ узелокъ? Не будетъ-ли завтра работы?

«Молчи, дуралей!... зажми глотку!...»

— Ну, полноте! Экъ расхорохорились? Вѣдь это не впервые!....

«Саша чуть дышала, и только вошли къ Якову, унала на скамейку.»

— Ахъ, батюшки! она умретъ!.. воля ваша! я стану кричать.... побѣгу за кварталнымъ — разбужу...

«Перестань шумѣть! Дай скорѣй воды. Я оврыскалъ лицо дѣвушки; она онем-

вслась. Милая, любезная Саша! посиди одну минуту; я сбѣгаю за моимъ другомъ!»

— Ты оставляешь меня одну, въ неизвестномъ мѣстѣ?

«Это необходимо — я скоро возвращусь; не бойся, Яковъ человекъ добрый! Онъ нашъ дворникъ.»

— Чего бояться, барышня? Его милость меня знаетъ. Здѣсь всякая нитка останется цѣла, а васъ то уже сберегу и до узелка не дотронусь пальцемъ.

«Сколько дозволяли силы, я бѣжалъ къ князю; онъ имѣлъ особую комнату, и спалъ спокойно. Другъ мой! проспись! помоги, я въ бѣдѣ!»

— Что это значитъ? ты въ крови? Вѣрно дрался, раецъ?

«Почти такъ! Но теперь не до меня. Вставай! пойдешь!»

— Куда, Антоній? ты, право, ошалѣлъ!

«Куда? Ахъ, Боже мой, къ Сашѣ...»

— Къ Сашѣ? Это новость! Да садись. Что случилось?

«Въ короткихъ словахъ я рассказалъ о происшествіи.»

— Шутка не дурна? Куда-же мы дѣлемъ твою героиню? Тутъ надо подумать? Пойдемъ къ Парашѣ (имя кухарки); она поможетъ намъ.

«Мы разбудили повариху, рассказали въ чемъ дѣло, и просили пособить.»

— Извольте! это моя забота: я возьму дѣвушку къ себѣ, скажу хозяйкѣ, что она моя сестра, пришла поздно и осталась ночевать; въ полдень отведу къ моей теткѣ; та пришлетъ квартиру и такъ далѣе.

«Ахъ, Параша! ты мнѣ возвратила жизнь. Чѣмъ благодарить!..»

— О благодарности послѣ—теперь пойдете! — Параша накинула на себя капотъ, князь шинель, и мы въ троихъ

пустились къ Сашѣ. Бѣдняжка сидѣла въ углу, плакала. Яковъ, подбоченясь, утѣшалъ по своему, какъ умѣлъ. «Саша! вотъ друзья мои! Мы спасены! Пойдемъ на верхъ!»

— Куда?

«Послѣ узнаешь... Она дала мнѣ руку, посмотрѣла съ видомъ благодарности на покровителей, встала, хотѣла идти и сказала: Антоній! я не въ силахъ подняться на лѣстницу—и...»

— О! мы вамъ поможемъ! перехватила Параша! Яковъ, ступай за креслами.

«Мы посадили Сашу, и общими силами принесли въ горницу кухарки. Услужливая Параша заботилась, раздѣла дѣвушку, положила на свою постель. Князь принесъ вино, которое всегда имѣлъ въ запасѣ, уговорилъ Сашу выпить полъ-рюмки, — это вскорости подкрѣпило ея силы и произвело сонъ. Сдѣлавъ все нужное Сашѣ, принялись за

меня, осмотрѣли голову, скулу и бокъ; всѣ три части находились въ дурномъ положеніи, и доказывали твердыню десницы г. Тумакова. Мы спѣшили. Наступалъ день. Параша всѣмъ распоряжалась, завязала мнѣ голову, приложила къ щекамъ теплой золы, бокъ натерла спиртомъ. — Теперь подите, ложитесь въ постель. Утромъ скажете, что ночью выжили въ постымахъ, оступились, упали съ лѣстницы, ушиблись; ставьте свидѣтелями меня, князя, Якова. Благоразумная Параша устроила дѣло; я поцѣловалъ спящую Сашу, и потащился за княземъ.

— Ну, братъ! дѣвочка хоть куда! скажешь услужливый товарищъ.

«Другъ мой! если-бъ ты зналъ ея душу? это Ангель...»

— Вѣрю, вѣрю—выпей стаканъ вина, ложись спать: тебѣ нуженъ покой.

«Голова моя спаружи и внутри столь разстроилась происшествіемъ роковой ночи, а побои такъ коверкали, что съ помощію пріятеля на-силу могъ раздѣться, и когда зашевелились въ домъ, я уступилъ.

«Въ десять часовъ утра, отъ шума многихъ голосовъ я проснулся, — смотрѣлъ на окружающихъ мою кровать, и слушалъ: г. Шаронъ, Туапета, нѣсколько товарищей, князь, пріятель Лестовъ и Параша, спорили съ однимъ человѣкомъ важной наружности.

— Говорятъ вамъ, онъ въ потьмахъ упалъ, ушибся—вотъ и все! Мы приложили къ щекъ припарку, завязали голову, натерли спиртомъ бокъ.... дали вина; ему стало лучше. Не троньте, пройдетъ и безъ лекарства. Да вотъ онъ проснулся, спросите сами.

— Я никогда не спрашиваю больныхъ, отвѣчалъ протяжно питомецъ Эскулапа,

нюхая табакъ изъ золотой табакерки. Я драгоценное время не трачу пустыми, бесполезными разспросами; мнѣ стоитъ пощупать пульсъ, взглянуть на языкъ, лицо, замѣтить дыханіе, — и болѣзнь открыта; я сажусь, прописываю рецептъ, и лечу.

— Да говорятъ вамъ, прежде надо осмотрѣть, не повре.....

А я вамъ повторяю, онъ въ горячкѣ, это видно по краснотѣ лица, сильному жару, и всѣмъ признакамъ. Ушибъ, испугъ, произвели горячку; за нею непосредственно слѣдуетъ разлитіе желчи, воспаленіе въ легкихъ, гангрена—и черезъ два часа смерть! Теперь, во ожиданіи консультаціи, мы откроемъ ему кровь, не болѣе полной глубокой тарелки; ко всѣмъ поврежденнымъ мѣстамъ припустимъ по двадцати пиявокъ, на затылокъ поставимъ шпанскую муху. Пожалуйста чернилъ и бумаги—я пропишу

микстуру; ее должно принимать черезъ каждый часъ по двѣ столовыя ложки, чтобъ мокроты не могли подняться, усилить воспаленіе въ головѣ, и скорымъ обращеніемъ очистить желудокъ—а тамъ увидимъ, нужна-ли операція? Впрочемъ, это самыя невинныя, умѣренныя средства, безъ которыхъ не отвѣчаю за его жизнь.

«Только, г. докторъ? сказала я, подымаясь съ постели,—и ветеринарный врачъ не пропишетъ лучше этихъ рецептовъ. Сдѣлайте одолженіе, выйдите, позвольте мнѣ встать и одѣться я; здоровъ, только одинъ ушибъ....»

— Держите его! кричалъ докторъ, онъ бредить. Развѣ не видите,—это горячка; въ жару онъ вычкочитъ въ окно, убьется до смерти, и тогда никакія средства не помогутъ!

«Это удивительно! сказалъ князь; мы еще не знали, что мертвымъ лекарства бесполезны.

«Тутъ, при всей моей слабости, я засмѣялся; тому послѣдовали окружающіе, и даже самъ г. Шаронъ, а докторъ, не перемѣнивъ положенія, продолжалъ съ досадою, смѣйтесь: господа! смѣйтесь,—а я доказываю, что смѣхъ больнаго принужденный, насильственный, нераздѣленъ съ судорожными припадками, потомъ и смертельнымъ колотьемъ. Впрочемъ, если мои совѣты и средства кажутся сомнительны, то пошлите за другимъ врачомъ, а мнѣ время терять нѣкогда. Слава Богу! въ городѣ больныхъ на половину! Есть чѣмъ заняться: только и дѣло, что хоронять. Прощайте, сударыня! Прощайте, господа! помните мои слова: этотъ молодой человекъ умретъ; я выключилъ его изъ списка живыхъ; онъ непременно умретъ, и что всего ужаснѣе, безъ медика и аптеки.

«Докторъ, потирая лобъ, обратился къ дверямъ и только что подошелъ къ нимъ

какъ встрѣтился съ низенькимъ худощавымъ человѣкомъ. Возможно-ли? вскричалъ онъ, гомеопата пригласили для консиліума со мною?..... Это совершенное невѣжество!

«И точно, г. Шаронъ, узнавъ о моемъ ушибѣ, видѣлъ, что я во снѣ метался, счелъ болѣзнь опасною, послалъ къ первому медику, который случится дома. Служитель побѣжалъ къ гомеопату и, не заставъ, обратился къ другому; тотъ немедленно пришелъ, а за нимъ и возвратившійся въ квартиру.

— Меня пригласили сюда? началъ съ учтивостію и низкими поклонами второй; я вижу здѣсь соперника. Этотъ господинъ..... мы согласиться не можемъ... и....

— Да! да! закричалъ вспылчиво первый, мы лечимъ, спасаемъ людей! а вы?...

— Своими умѣренными средствами.... Точно, метода у насъ различна, а дѣйствія почти одинаковы.... Позвольте осмотрѣть больнаго. «Онъ подошелъ ко мнѣ, ошупалъ пульсъ, сталъ спрашивать; я сказалъ ему, что ушибся.

«Гомеопатъ съ коварною улыбкою обратился съ вопросомъ къ противнику.— Позвольте, милостивый государь, узнать, какія вы предполагаете принять средства, съ этой хронической болѣзnią?»

— Я! я! вы не можете судить объ нихъ; но если угодно, извольте. Онъ повторилъ слышанное нами.

— Помилуйте! это безбожно! вы можете уморить, или вѣрнѣе сказать, убить человѣка. Ему надо совершенно другія средства, а именно, я начну тѣмъ: первое, пропишу круинки. Главная сила состоитъ въ томъ, что ихъ надо принимать съ осторожностію: они такъ малы, что часто остаются во рту и не по-

падаютъ въ желудокъ. Второе, должно перемѣстить больного въ большую чистую комнату, открыть окна и озаботиться, чтобъ никакое душистое въ ней растеніе не находилось; и наконецъ третье: умѣренная діета—въ первые двое сутокъ не давать больному вовсе пищи, а на третьи взять крылышко цыпленка, сварить въ водѣ, прибавить туда чайную ложку мапныхъ крупъ, особенно не класть никакихъ кореньевъ; бульону онъ можетъ скушать десять ложекъ въ день, а на цыплячье крылышко смотрѣть для возбужденія аппетита; это должно продолжитъ двѣ недѣли,—а тамъ мы увидимъ, можно ли увеличить пропорцію.

— Ха! ха! ха! онъ умретъ съ голоду, сказалъ аллопатъ.

— А вы уморите кровопусканіемъ, пивками и микстурами, отвѣчалъ съ учтивостію гомеопатъ.

«Тутъ я взглянулъ на Парашу; она подавала глазами знаки, что должно торопиться; я вышелъ изъ терпѣнія, обратился къ докторамъ; они завели споръ. Господа, покорно благодарю за ваше усердіе отправить меня на тотъ свѣтъ; еще повторяю, я здоровъ, не хочу лечиться и принимать микстуры и крупынокъ: послѣднія трудно разсмотрѣть и надо учиться нѣсколько мѣсяцевъ глотать. Выйдите, я одѣнусь, отправлюсь къ моимъ родителямъ, и если нужно, то стану пользоваться домашними средствами.

«Г. Шаронъ самъ принялся разспрашивать меня, и увѣрясь въ одномъ только ушибѣ, сказалъ докторамъ, что отправить меня къ отцу; онъ далъ имъ за визиты. Гг. медики вышли, бросая другъ на друга ужасные взгляды. По этимъ взглядамъ могъ всякой догадаться, что гомеопатъ далъ-бы сопернику кру-

пинку въ куриное яйцо, а тетъ вилъ-бы ему семь грановъ тартара-медицы.

«Я всталъ съ постели, одѣлся съ помощію товарищей; они за мѣсто новости рассказывали: къ Парашѣ пришла молоденькая сестра, прекрасная дѣвушка, только очень печальна.

«Я кончилъ мой туалетъ и сказалъ товарищамъ: спасибо, братцы! теперъ пойду въ кухню мыться, перемѣню припарки; не кстати услужливые пріатели побѣжали за мной. Саша, увидѣвъ меня изъ горницы кухарки, вскрикнула отъ радости. Что это значитъ? спросили нѣкоторые изъ товарищей.

«Проворная Параша подхватила: она испугалась; человекъ въ крови показался ей страшнымъ.»

— Не бойся, сестрица! выйди сюда! мнѣ нѣкогда; я кушанье готовлю; ты ничего не дѣлаешь; возьми согрѣй припарку и подай этому барину.

«Саша съ примѣтною радостію исполнила приказаніе новой родственницы, не могла взглянуть на меня, чтобъ не обнаружить тайны; я съ восторгомъ принималъ пособіе милой дѣвушки, и вышелъ поспѣшно, чтобъ отклонить подозрѣніе.—Перемѣняйте, сударь, чаще припарки, повторяла Параша; сестра до обѣда останется здѣсь, и отъ бездѣлья станетъ вамъ грѣть.

«Не было послушнѣе больнаго. Я безпрестанно бѣгалъ въ кухню, улучалъ минуту поцѣловать Сашу и увѣрить, что скоро буду съ нею неразлученъ. Передъ обѣдомъ князь шепнулъ мнѣ: Антоній! Тереза замѣчаетъ. Отпросись по случаю болѣзни домой, Параша уведетъ Сашу къ теткѣ, возвратится, скажетъ о квартирѣ; я пришлю къ тебѣ Якова съ запиской. Дома увѣрь, что почувешь здѣсь, я заверну къ вамъ и позабочусь о хо-

зйствѣ. Получа отпускъ, я сбѣгалъ еще въ кухню, посмотрѣлъ на Сашу, и ушелъ.

«Матушка охнула увидѣвъ любезнаго сынка съ подбитою щекою. Заботилась, бѣгала, разспрашивала; все люди въ домѣ суетились, подавали мнѣ припарки и разныя средства, какія могли придумать. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ Якова, забывалъ чувствуемую боль, бѣгалъ къ часамъ и окошку. Антоушка, ложись въ постелю, сказала матушка. Посмотри, ты самъ на себя не походишь, похуди.»

— Это незамѣтно, возразилъ отецъ; онъ, слава Богу, довольно плотенъ, а захворалъ отъ шалостей; да, отъ шалостей—они много стоятъ мнѣ денегъ.

— Прекрасно! вотъ нѣжный родитель! Худо, если отцы любятъ деньги больше дѣтей!

— Да! плохо, если и матушки балуютъ ихъ! «Слово за слово, и любезные роди-

тели поссорились не на шутку; къ счастью, прикащикъ увѣдомилъ, что на площадкѣ большой пригонъ быковъ; рогатыя животныя перемѣнили матерію, послѣдовало перемиріе, супруги обнялись, поцѣловали меня. Отецъ пошелъ на торговое мѣсто, а матушка осталась свободно любоваться мною.

«Вотъ явился и посланникъ; онъ подалъ мнѣ записку. Ахъ! какую записку! Ее писала Саша: въ улицѣ Де... въ домѣ подъ № 421-мъ. Антоній! спиши утеретьь мои слезы!—Я поцѣловалъ бумажку. Спасибо, Яковъ! вотъ тебѣ на водку!

— Что это, Антоушка? ты цѣлуешь письмо? Покажи....

«Нельзя, матушка! Вы не поймете: это задача самая трудная; теперь рѣшена. Прощайте!—Я взялъ шляпу и побѣжалъ изъ дому.

«Старушка дожидалась у воротъ и на вопросъ, гдѣ живетъ тетка Параши?

отвѣчала: пожалуйте, баринъ! я жду васъ! дѣвушка плачетъ!...

«Плачетъ? Ахъ, поспѣшимъ къ ней! Въ минуту Саша очутилась въ моихъ объятіяхъ. — Ахъ, Антоній! я начинала думать, что ты не придешь! оставилъ меня!»

«Несправедливая, можно-ль это сказать? Я летѣлъ къ тебѣ, не смотря на жестокую боль отъ ударовъ проклятаго Тумакова!»

— Антоній! какая ночь? Не могу вспомнить безъ ужаса. Если-бъ ты зналъ, что я чувствовала, какъ пришли доктора? Я чуть не измѣнила тайнѣ, хотѣла бѣжать къ тебѣ, Параша удержала; всѣ суетились, кричали о твоей болѣзни; одна только я не могла видѣть и служить тебѣ.

«Милая, несравненная дѣвица! нѣсколько часовъ горести я замѣню годами вѣрной любви! Саша обнимала ме-

ня, цѣловала, смѣялась и плакала какъ ребенокъ.

«Первые восторги прошли, и старушка тетка услужливой Параша приступила къ намъ.»

— Племянница привела ко мнѣ барышню, увѣрила, что вы люди добрые, честные, ищите квартиры; я отдаю въ наемъ одну комнату, чистую, покойную, окнами на улицу, только съ уговоромъ: жить смирно — я пуще глаза берегу доброе имя.

«Разумѣется, старушка! Покажи горницу. Я осмотрѣлъ и остался доволенъ. О цѣнѣ условимся послѣ; теперь сдѣлаемъ самое необходимое: вотъ тебѣ деньги; сходи въ рынокъ, купи кровать, подушки, тюфякъ и одѣяло. Еще рано, ты успѣешь; остальную мебель послѣ купимъ. Марья (имя старушки) взяла деньги и смиренно пустилась за покупкой.»

«Я остался одинъ съ Сашею; часы летѣли, казались минутами; приходъ князя съ Лестовымъ прервалъ нашу бесѣду.

— Здравствуй, Антоній! мы спѣшили поздравить тебя съ новосельемъ, познакомиться съ прелестной Сашей. — «Робкая дѣвица краснѣла, едва могла отвѣчать, на вопросы и шутки моихъ пріятелей.» — Теперь не дурно послать за ужиномъ и виномъ; мы спрыснемъ квартиру, поздравимъ какъ водится, и составимъ планъ новой твоей жизни.

«Марья возвратилась съ носильщиками. — Ну, сударь, на силу могла купить! дороговизна ужасная! купцы! прости, Господи! сущіе дьяволы? готовы взять въ шестеро, ограбить человѣка; однако-жь я кое-какъ выторговала цѣлыхъ два рубля тридцать копѣекъ. Извольте взять и сочтите покупку.

«Что считать? Вели внести и поставить; я вѣрю тебѣ, а между тѣмъ позови сюда дворника. Тотъ скоро явился, я далъ ему билетъ Саши, назвалъ ее сестрою, а въ доказательство положилъ въ руку серебряную монету, написалъ записку, и отправилъ въ трактиръ за ужиномъ и винами.

«Дворникъ, довольный щедростію новыхъ жильцовъ, пустился охотно въ откомандировку за съѣстными и питейными припасами, на крыльцѣ затянулъ пѣсню. Ахъ! ты милая сестрица! бѣлолица, круглолица, красная дѣвица! и такъ далѣе. Марья заняла у сосѣдей посуду, накрыла столъ, и въ десять часовъ милая хозяйка съ робостію угощала гостей, нѣсколько оправилась, и на шутки веселыхъ товарищей отвѣчала столь умно, что вынудила уваженіе вѣтрогоновъ.»

— Право, Антоній! ты нашель кладъ, — сказалъ князь, и поселилъ во мнѣ мысль

подцѣпить такую же милашку! — Послѣ шумныхъ восторговъ, товарищи мои заключили, чтобъ Сашѣ самой закупить мебель и все необходимое, нанять служанку, Марьѣ готовить кушанье, словомъ, завестись домикомъ. Саша молчала, я соглашался и не подумалъ, что Шедоній не допуститъ обокрасть себя вторично, а за картины г-жа Сенажъ не прибавить и полушки.

«Выпивъ исправно, пріятели ушли, — одинъ торопился къ Парашѣ, а другой на бульваръ искать добычи. — Милый другъ! сказала Саша, мнѣ не нравится обращеніе твоихъ товарищей; я не хочу, чтобъ ты проживался; роскошь намъ не прилична и пагубна; я хочу жить въ умеренности и быть счастлива твоей любовью; я выучилась шить, отъ скуки стану одѣвать себя работой; ты доставляй мнѣ одно только необходимое.

«При всей вѣтренности я слушалъ съ восторгомъ Сашу, сталъ удивляться ей, и находить достоинства, о которыхъ прежде не думалъ, и сталъ любить страстно. — Такъ я могъ наслаждаться счастьемъ! но ложные друзья, дурныя наклонности, пагубное воспоминаніе разрушили мое блаженство!...

«Эту ночь я провелъ покойнѣе первой.

«Въ семь часовъ утра старушка постучалась въ двери, я всталъ, одѣлся, и пришелъ въ свое жилище.

«Нѣсколько дней я ничѣмъ не занимался, одна Саша наполняла мои мысли, — съ нею находилъ счастье, а въ разлукѣ погружался въ задумчивость, разсѣяннѣе, — онѣ препятствовали мнѣ думать о другихъ предметахъ. Услужливые Параша и Яковъ каждую ночь выпускали меня и утромъ дожидались.

«Никто, какъ мы думали, не замѣтитъ нашей тайны. Мечтая о Сашѣ, я забылъ

весь міръ и даже Шедонія съ Туанетой; но они меня помнили, что и обнаружилось скоро.

«Однажды ночью я замѣтилъ, что два человѣка, отъ самаго жилища, слѣдили за мною, а на половинѣ дороги удвоивъ шаги, приблизились ко мнѣ; я не имѣлъ оружія; думалъ, если стану защищаться, то лишусь жизни, или, изувѣченный, ограбленный, возвращусь домой;—если пойду къ Сашѣ, то дамъ новодѣ открытъ наше убѣжище, и подвергнуть себя всегдашней опасности; я думалъ, что проводники мои обыкновенные воры, въ такой крайности повернули въ улицу направо, вошелъ въ трактиръ, въ мысляхъ, что тамъ не посмѣютъ преслѣдовать за мною; напротивъ, два негодяя, закрывъ подозрительныя лица шинелями, явились туда. Я сѣлъ, взялъ газеты, спросилъ вина, притворился будто читаю, смотрѣлъ украд-

кою на нихъ, и можно вообразить, въ какой пришелъ ужасъ, узнавъ въ одномъ рослаго лакея лицемѣрки, а въ другомъ Федора, служителя Шедонія; я затрепеталъ и, кажется, видѣлъ надъ головою смерть, которую убійцы мнѣ готовили: оставаться всю ночь въ трактирѣ было невозможно; выйти, значило подвергнуть себя явной опасности. Я подумалъ нѣсколько минутъ, выпилъ стаканъ вина, собралъ разсѣяныя мысли, нашелъ средство избавиться отъ бездѣльниковъ, и тихонько сказалъ одному служителю.

«Послушай, другъ мой, видишь-ли двухъ человѣкъ въ темныхъ шинеляхъ?»

— Вижу, сударь!

«Одинъ изъ нихъ, высокій ростомъ, служитъ лакеемъ у извѣстной Сенанжъ; она живетъ близко отсюда.»

— О, слышалъ, сударь, слышалъ объ этой птичкѣ.

«Говори тише. Въ прошедшую ночь у нее случилось необыкновенное происшествіе: полиція вошла въ домъ, опечатала многія вещи, приставила караулъ, всѣхъ людей забрали къ допросамъ, только самый подозрительный убѣжалъ, и этотъ бѣглець теперь у васъ. Задержите негодяевъ, я побѣгу за полицейскимъ офицеромъ.—Смотрите жъ, не упустите изъ рукъ, а то нахлопочитесь сами. Служитель испугался, увѣдомилъ содержателя трактира, тотъ не замѣшкатель, съ учтивостію просилъ меня переговорить нѣсколько словъ на единѣ, мы вышли въ особую комнату, друзья хотѣли слѣдовать за нами, и два рослые служителя заперли имъ дверь.

— Точно-ли, сударь, вы знаете, что это подозрительные люди? О лицемѣркѣ говорятъ много... «Все узнаешь, старичокъ; исторія ужасная; я тебѣ расскажу

подробно. А теперь прикажи одному изъ служителей слѣдовать за мною.

«Трактирщикъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать тайну, считалъ меня порядочнымъ чловѣкомъ, или фискаломъ, немедленно исполнилъ мое требованіе. Я вышелъ съ провожатымъ въ другія двери, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, сказалъ: послушай, братецъ, мы дѣлаемъ глупость, идемъ оба къ одному офицеру. Ну, если не застанемъ его въ квартирѣ, то потеряемъ напрасно время, а бездѣльники могутъ надѣлать проказъ и убѣжать! Ступай въ улицу налѣво, тамъ живетъ квартальный; я поспѣшу къ другому: кто нибудь изъ насъ отыщетъ, а если оба приведемъ по гостю, то еще лучше; эти господа общими силами постараются захватить бѣглецовъ. Ваша правда, сударь, сказалъ провожатый; извольте! мигомъ слетаю. Онъ пустился въ противуположную сторону, а я къ Сашѣ.

«Дѣвица вскрикнула, увидѣвъ меня въ разстроенномъ видѣ. — Антоній! что съ тобою случилось? Я не отходила отъ окошка и крыльца, смотрѣла во всѣ стороны; скоро полночь; ты измѣнился въ лицѣ?...

«Успокойся, милая! бѣда прошла. Въ короткихъ словахъ я рассказалъ происшествіе.»

— Ахъ, другъ мой! это страшно! я помню странный случай: Шедоній и г-жа Сенанжъ, сердечные пріатели; къ намъ ходилъ часто молодой человѣкъ, поспорилъ съ барыней, и однажды вышелъ съ угрозами. Вскорѣ за тѣмъ сдѣлали обыскъ въ нашемъ домѣ, и когда сумятица прошла, то іезуитъ уговаривалъ Сенанжъ не беспокоиться, далъ слово избавить отъ опасности — и ненавистника знакома. Не знаю, совершился ли злодѣйскій умыселъ, только этого человѣка

болѣе не видала, чему Сенанжъ очень радовалась и благодарила Шедонія.

«Слова Саши еще болѣе меня встревожили. Я зналъ, что нѣтъ преступленія, на которое коварный, мстительный Италіанецъ не рѣшится. Эта ночь, не взирая на ласки и нѣжность Саши, проведена не такъ пріятно; я безпрестанно думалъ о злодѣяхъ, желалъ проникнуть, точно ль они покушались на мою жизнь или хотѣли изувѣчить. Наступилъ день, я не могъ успокоить мыслей, рѣшился остаться у Саши до вечера и не выходить изъ комнаты; я не зналъ, чѣмъ кончилось въ трактирѣ: задержаны ли мои проводники? Написалъ князю о ночномъ происшествіи; записку отдалъ Марьѣ, приказалъ дожидаться отвѣту, а самъ посвятилъ весь день любовницѣ.»

«Дѣвушка утопала въ удовольствіи, бѣгала, заботилась о столѣ, послала служанку за виномъ, и сама готовила пуж-

ное къ обѣду. Саша моя зажила домикомъ, и стала маленькой госпожей; никто бы не повѣрилъ, что за нѣсколько недѣль она служила горничной. Купленная ею мебель была проста, но со вкусомъ, всякая вещь находилась въ своемъ мѣстѣ; простенькое платье имѣло нѣчто особенное и придавало ей новую прелесть, а поступки и слова совсѣмъ не означали ту неопытность, которая при первомъ нашемъ знакомствѣ казалась болтливостію ребенка! Тутъ я замѣтилъ, что дѣвушки созрѣваютъ скорѣе мужчинъ; бѣглый ихъ умъ развивается проворно: мы начинаемъ только обнимать предметъ, а онѣ исполняютъ; мужчина въ 17 лѣтъ почти еще ребенокъ, а женщины въ эти годы часто становятся матерью и заботятся о домѣ. Правда, Саша тогда пользовалась счастьемъ, а съ нимъ скорѣе развивается умъ, кото-

рый несчастіе и горестъ оставляютъ въ усыпленіи.

«Ударило 12-ть часовъ, Марья не возвращалась; это безпокоило насъ; мы удивились такой медленности; во второмъ она пришла, подавъ запечатанное письмо отъ князя.

«Антоній! приложенную записку счастливымъ случай, или Ангелъ твой Хранитель, доставилъ намъ въ руки; Туанета ее обронила. Вечеромъ увидимся. Твой другъ К...

«Я поспѣшилъ развернуть и прочесть: «Нашему врагу помогаетъ самъ дьяволъ. «Пирро, служитель Сенанжъ, и мой Огдоръ, хитростію мальчишки взяты въ полицію. Посудите о послѣдствіяхъ: мы находимся въ критическомъ положеніи; «при обыскѣ найденъ книжалъ. Я побѣжалъ въ съѣзжій домъ, меня не допустили къ арестантамъ; полицейскій

«маіоръ (*) не хотѣлъ меня выслушать. Я бросился къ одному изъ его пріятелей, тотъ далъ мнѣ письмо, я вручилъ маіору, и онъ сказалъ: это дѣло показалось мнѣ важнымъ—кинжалъ, донось, шумъ въ трактирѣ, а теперь вижу, что все оканчивается пустяками: лакеи напились, повздорили. Извольте, сударь, я прикажу ихъ освободить. Дежурный! закричалъ онъ! выгоните изъ арестантской двухъ человѣкъ, взятыхъ за пьянство въ трактирѣ. Прощайте, честный отецъ; милости просимъ жаловать чаще; мы ради такимъ гостямъ. И такъ, одно дѣло кончено; съ этой стороны мы совершенно безопасны. — Теперь постарайтесь выжить изъ дому Парашу и Якова; первая пріискала квартиру Сашѣ, куда Антоній ходитъ

(*) Прежде частные пристава назывались поллицейскими маіорами.

«по почамъ, а второй способствуетъ ему, и дожидается возврата. Весьма жаль, дѣвчонка находилась у насъ въ рукахъ и ускользнула.»

— «NB. Записку истребите, завтра увидимся. — Еще забылъ сказать главное: вечеромъ одинъ подкупленный человѣкъ придетъ къ дворнику Якову узнать, гдѣ живетъ дѣвушка Саша? О расходахъ доставлю подробный отчетъ.»

«Я прочиталъ пагубную записку, Саша вскрикнула: Антоній! ты гибнешь! Я снѣшилъ успокоить дѣвушку, и признаюсь, самъ находился въ страхѣ: іезуитъ, Тумаковъ и двѣ женщины стали намъ врагами; эти люди, въ моемъ мнѣніи подобились чумѣ или чахоткѣ—эти двѣ болѣзни скоро или медленно истребляютъ, но истребляютъ непремѣнно. Подумавъ нѣсколько, я положился на непремѣнное счастье, и вечеромъ пришелъ въ мое жилище.

«Яковъ ждалъ у воротъ, и увидѣвъ меня, закричалъ: ступайте, сударь, скорѣе! мы ждемъ гостя!...»

«Гостя?»

— Да! идите; вамъ все расскажутъ.

— Князь меня встрѣтилъ и съ упрямомъ сказалъ: Антоній! можно ли такъ мѣшкать? Записка не могла тебя вытащить отъ Саши.

«Напротивъ, другъ мой! адское письмо Шедонія меня задержало, — опасность показаться на улицѣ...»

— Вздоръ! дѣло переименовано, пойдёмъ къ Парашѣ. Туанеты нѣтъ дома. Мы ушли въ горницѣ повѣренной и князь продолжалъ.

— Письмо намъ открыло, что Сенанжъ, Тумаковъ, іезуитъ и Туанета покушаются сдѣлать тебѣ зло и погубить Сашу. Естественно, они боятся, чтобъ ихъ не обнаружили; но, готова тебѣ сѣти, попались въ нихъ сами. Студентъ, любов-

никъ Туанеты, оставилъ мнѣ записку; на ней имя и фамилія означены въ самомъ концѣ листочка, такъ что, между содержаніемъ и подписью, можно вписать нѣсколько строчекъ; я ухватился за это, срѣзалъ вершинку, составилъ письмо къ Туанетѣ, и такъ поддѣлалъ руку, что нѣтъ возможности различить отъ подлинной, — вотъ оно....

«Милая, прекрасная Туанета!... послѣднее свиданіе наше, доставленное добрымъ Шедоніемъ, исчезло какъ очаровательный сонъ. Я не вижу тебя, и умираю отъ грусти. — Проклятые Параша и Яковъ неизмѣнны брату; я боюсь, они откроютъ тайну; постарайся ихъ выжить изъ дому, иначе погибнемъ. Податель этой записки подкупленъ Шедоніемъ; пришли съ нимъ отвѣтъ. Августъ Шаронъ.»

— Антоній! каково? Коротко и ясно. Что ты скажешь?

«Очень мало: я не понимаю, къ чему это клонится?»

— Безтолковый! куда дѣвался умъ твой? Парашу и Якова завтра вышлютъ изъ дому. Тереза, по просьбѣ сестры, весь день напѣвала о томъ мужу; старый ротозей согласился. Поступятъ новые люди, убійцы, прискаанные Шедоніемъ. — Тогда первый выходъ изъ дома будетъ твоимъ гробомъ; если жъ увернешься отъ кинжала, то у поварики найдется ядъ. Теперь мы знаемъ, что лазутчикъ придетъ къ Якову вывѣдать о жилищѣ Сашки, дворникъ согласился задержать шпиона, завести съ нимъ ссору, мы прибѣжимъ, вложимъ въ карманъ эту записку, подыдемъ крикъ, на шумъ выйдетъ г-нъ Шаронъ, Яковъ скажетъ ему, что подозрительный человекъ крадется въ комнаты. О! если-бъ ты зналъ ролю Якова, и съ какою дурацкою харей онъ станетъ всѣхъ дурачить! Ты скоро это

увидишь. — Мы сдѣлаемъ обыскъ, разубѣется, найдемъ письмо и отдадимъ адвокату. Ну, понялъ теперь?

«Превосходно, другъ мой! Такой шутки не только чортъ, да и самъ Шедоній не выдумаетъ! Вся вина и подозрѣніе обратится на Туанету съ іезуитомъ, и наши вѣрные помощники получатъ новую довѣренность.»

— Это еще не все, слушай: маленькій Вилькамъ на прошедшей недѣлѣ бѣгалъ у Шедонія въ саду, разгорѣлся, захотѣлъ пить, пришелъ въ комнаты — ты знаешь, у іезуита на каминѣ стоитъ множество склянокъ съ спиртами и какими-то лекарствами, — мальчикъ схватилъ первую, микстура показалась ему сладка, онъ вылилъ ее въ стаканъ, выпилъ и черезъ нѣсколько минутъ почувствовалъ жестокою боль въ желудкѣ. Шедоній трухнулъ не на шутку: ему запрещено лечить. Вилькамъ занемогъ, іезуитъ убѣ-

ждалъ его молчать, и непримѣтно носить ему лекарства; бѣднякъ не могъ перенести боли, открылъ мнѣ тайну; я настроилъ мальчика выставить смѣло Шедонія и какъ выманилъ у него деньги. Вотъ письмо къ отцу Вилькама.

«Милостивый Государь!

«Спѣшу увѣдомить о положеніи вашего сына Вилькама: онъ боленъ, и безъ скорого пособія можетъ умереть.—Поспѣшите къ нему съ докторомъ, разспросите строго; онъ признается и вы узнаете о многомъ. Участь мальчика заставляетъ измѣнить тайнѣ. Неизвѣстный.»

— Ну, Антоній! какова выдумка? Отецъ Вилькама пріѣдетъ съ докторомъ и Шедоній обнаружится; мы обличимъ лицемеря, откроемъ, какъ заставлялъ насъ обманывать родителей; іезуитъ станетъ заператься, шумѣть; дѣло выйдетъ гром-

кое.—Полиція прицѣпится, негодяй погибнетъ, Сенанжъ узнаетъ о послѣдствіи. Ты доставишь ей копию съ письма Шедонія, возьмешь контрибуцію; она оставитъ городъ, и мы подумаемъ о новой жизни.

«Я удивился проникательности князя и опыту неизмѣнной дружбы, полезной для меня и вредной для враговъ.—Онъ дѣйствовалъ, какъ опытный политикъ, который заботясь только о пользѣ націи, натягивалъ всѣ струны и достигалъ своей цѣли.»

«Приходъ Туанеты прервалъ наши разговоры.—Господа, что вы здѣсь дѣлаете? Не стыдно ли сидѣть съ кухаркою? Развѣ нѣтъ другихъ занятій? Праксовья, посмотри и узнай, что за шумъ на дворѣ?—Бѣдняжка, если-бъ ты знала о послѣдствіи, то вѣрно-бъ отложила любопытство, миленькія губки закусила, и ушла.»

— Ай! батюшки! сударики! помогите! помогите! кричала Параша съ низу лѣстницы, поймали вора, — помогите, онъ убьетъ Якова.

»Мы догадались, какой это воръ, опрометью пустились на сикурсъ къ дворнику и увидѣли, что малорослый, худощавый человѣкъ пицаль въ рукахъ Якова.

— Господа, пустите на покаяньедушу! говорилъ дворникъ; меня изувѣчили — эдакой чортовой силы отродясь не видалъ,

— Помилуй, братецъ! отвѣчалъ пришлецъ, дрожавъ отъ страху, я до тебя не дотрогивался. — Милостивые государи! помилуйте! я не воръ, я честный человѣкъ!

— Лжешь, бездѣльникъ! Веревку! руки назадъ!

Я и дворникъ связывали мнимаго вора, а князь непримѣтно, всунулъ ему въ пазуху записку.

— Тише, дѣти! тише! говорилъ приходшій г-нъ Шаронъ съ адвокатомъ. Что за шумъ? какой воръ? Яковъ, рассказывай!...

— Въ минуту, сударь! дайте оправиться, этотъ бездѣльникъ меня изуродовалъ. Вотъ, сударь!... слушайте!... я сидѣлъ въ моей коморкѣ, зачинивалъ кафтанъ, который вечеръ цѣпной барбоска изорвалъ, — вдругъ слышу тррр... тррр... то есть, трескъ; я приподнялся, выглянулъ тихонько на дворъ... вижу человѣкъ на цыпочкахъ крадется въ верхъ... и...

— Лжетъ, милостивые государи, ей Богу, лжетъ! Я не крался, а прямо шелъ къ нему!

— Прямо? ко мнѣ? да зачѣмъ ты шелъ ко мнѣ прямо? а?

— Лазутчикъ оторопѣлъ, и на простой вопросъ, сдѣланный кстати, не могъ отвѣчать.

— Твоя совѣсть не чиста, сказалъ учитель. Продолжай, Яковъ.

— Въ минуту, сударь.... вотъ видите.... какъ я взглянулъ, онъ замѣтилъ и приѣлъ на корточки къ лѣстницѣ, сдѣлалъ какъ-будто никого нѣтъ.

— Клянусь вамъ! я на лѣстницу не входилъ.

— Не входилъ?... А гдѣ жъ ты былъ?

— У тебя....

— У меня.... да зачѣмъ?

«Посланникъ Шедонія снова замолчалъ.»

— То-то, братъ! если чортъ попутаетъ душу, такъ и языкъ не поможетъ! Вотъ, сударь, я бросился къ нему, хотѣлъ схватить, онъ толкнулъ меня въ грудь, ударилъ кулакомъ въ бокъ, и хотѣлъ направить лыжи.— Я не струсилъ, вцѣпился въ него, онъ въ меня, и ну барахтаться: онъ одолѣлъ, повалилъ и давай душить, и вѣрно-бъ удушилъ, если-бъ не подоспѣли барчонки....

— Помилосердуйте, господа! Разсудите, можетъ ли это статься? Какъ мнѣ съ нимъ сладить: онъ ростомъ съ сажень — пересилить быка, а я....

— Нѣтъ, пріятель, малъ золотникъ, да дорогъ....

— Мои свидѣтели господа: они видѣли, что мы оба стояли....

— Неправда! неправда! закричали мы, дворникъ лежалъ, а ты сидѣлъ на немъ верхомъ, душилъ; на-силу вырвали....

— Ахъ! Господи Боже мой! Вы, кажется, всѣ люди молодые, благородные, а говорите наизворотъ.»

— Что тутъ за рассказы? Онъ воръ, сказалъ рѣшительно. Яковъ. Прикажите, сударь, обыскать?

«Г. Шаронъ изъявилъ согласіе; мы принялись за обыскъ, прежде въ карманѣ сюртука, потомъ въ жилетѣ, и когда стали разстегивать фракъ, то записка выпала на землю.»

— Что это за грамотка, сказала дворникъ съ простосердечнымъ лицомъ. Прочитайте, сударь, и подайте адвокату.

«Можно вообразить, какія маски строилъ бѣдный, старикъ читавъ записку. Ревность, стыдъ бѣшенство, имъ овладѣли; изступленными глазами онъ смотрѣлъ на пришлеца, а я, какъ будто не вримѣчая, сталъ разспрашивать: «Скажи, другъ мой, чей ты человекъ?»

— Я, сударь? Я человекъ свободный?

«Разумѣется; вѣрно ты посланъ къ кому нибудь изъ воспитанниковъ?»

«Нѣтъ, сударь, меня никто не посылалъ.»

— Никто? закричалъ адвокатъ, никто? Разбойникъ! А Шедоній?

«При имени Шедонія человекъ испугался еще болѣе, снѣшилъ извернуться, сказала: точно, сударь, я знаю Шедонія.»

— Знаешь? Очень вѣрю. Зачѣмъ ты имъ посланъ?

— Онъ посланъ... какъ сказать... онъ велѣлъ познакомиться съ Яковомъ.

— Спасибо! Этакимъ пріателемъ наградила меня Господь! Нѣтъ, братъ! я не того лѣсу кочерга: чей хлѣбъ-соль ѣмъ, за тѣхъ и стою; хозяина не продамъ. Пусть меня выгоняютъ! Вспомануть и Якова!

— А записка? кричалъ адвокатъ.

— Какая, сударь, записка?

— Вотъ эта? Развѣ ты ослѣпъ?

— Воля ваша, сударь, записки не было.

— А это что?

— Это, сударь, записка.

— Записка къ моей женѣ?

— Супруги вашей я записки не приносилъ.

— Я убью тебя! Что жь, тутъ? Ну! отвѣчай?.....

— Ничего, сударь; онъ только приказалъ кланяться

— Кланяться? кому?

— Якову, сударь!

— Эге! какъ же онъ сталъ учтивъ! присылаетъ мнѣ поклоны.

— Яковъ, души бездѣльника, пока не скажетъ правды! Я хочу знать всѣ подробности. Сказывай, часто ль носилъ письма? получалъ ли отвѣты? когда было свиданье?

— Ахъ, дворникъ душитъ меня! пустите! скажу всю правду..... писемъ я не носилъ, а кланяться приказано Якову и вашей супругѣ, если увижу ее.

— Тутъ г. Ларезъ (мужъ Туанеты) отъ сильнаго чувства сталъ приходитъ въ изнеможеніе. — Дѣти! пощадите меня, — говорилъ онъ тихо со слезами, дѣти! мой родственникъ выросилъ васъ! Скройте стыдъ мой! проводите въ комнату. А ты, вѣрный, доб-

рый Яковъ, свяжи крѣпче злодѣя, не выпускай; я опомнюсь и подумаю, что дѣлать.....

«Мы повели адвоката и при всемъ торжествѣ не могли равнодушно смотрѣть на горестъ бѣднаго старика. Туанета не знала о происшествіи на дворѣ; къ ней пришла гостья; увидѣвъ мужа въ разстроенномъ положеніи, испугалась, спрашивала о причинѣ; отвѣсная пощипа служила отвѣтомъ. Она вскрикнула.

— Карлъ! ты сошелъ съ ума?

— Да! точно, повторилъ мужъ — смотри; записка, предатель Шедоній!....

— Боже мой! произнесла Туанета..... я выронила.....

— Нѣтъ! она въ рукахъ у меня! Только что получена съ почты! Шедоній взялся за честное ремесло, прислалъ съ однимъ бездѣльникомъ.

— Шедоній прислалъ теперь? покажи?

— Это не та! я права.... Ахъ! начинаю оживать.....

— И рыть мнѣ могилу? Неблагодарная! все открыто.... открыто, за что гонишь Парашу и Якова!....

— Я сама скоро помѣшаюсь. — Это записка не та — какъ узнать? вѣрно есть другая?

— О нѣтъ! слишкомъ довольно и одной! — «Онъ вошелъ въ свою комнату и упалъ на софу. — Туанета бросилась къ себѣ, мужъ и жена не понимали другъ друга: — одинъ думалъ о захваченной любовной запискѣ, а другая, что письмо Шедонія открыто злодѣйскій умыселъ; одни мы знали тайну и дожидались окончанія.»

«Туанета рылась въ ящикахъ, комодахъ, бросалась по всемъ угламъ, и ломая пальцы, отчаянно произнесла: мнѣ измѣнили! письмо украдено! Она съела и плакала неутѣшно.»

Черезъ часъ г. Ларезъ позвалъ къ се-

бѣ жену, заперъ дверь; мы подкрались и слушали любопытный разговоръ.

— Семь лѣтъ я живу съ тобою, началъ адвокат — семь лѣтъ кромѣ одной невѣрности и посрамленія не вижу; переносу стыдъ въ глубинѣ сердца — онъ прежде времени сократитъ жизнь мою. Я не стану осыпать тебя ругательствами, укоризнами; умолчу, что взялъ изъ любви въ одномъ платьѣ, и не шадилъ ничего усладить жизнь твою. Вотъ письмо обольстителя. Онъ кровью удовлетворитъ меня. Читай и оправдайся, если можешь!

Туанета бросилась къ ногамъ мужа. Карль! выслушай, я во всемъ признаюсь. Когда Августъ оставилъ домъ, мы точно видѣлись одинъ разъ посредствомъ Шедонія; я запретила ему писать. Тщепотъезуитъ предлагалъ мнѣ средства продолжать наше знакомство; я рѣшительно отказала. Это пагубное письмо

послано безъ моего согласія; одинъ Шедоній тому виновенъ. Коварный Итальянецъ погубилъ меня и, конечно, изъ собственныхъ видовъ.

— И такъ, ты видѣлась съ Августомъ. Но эта записка развѣ не служитъ продолженіемъ первой связи? Развѣ не обнаруживаетъ новое свиданіе?

— Нѣтъ! отвѣчала рѣшительно Туанета.

— Какъ нѣтъ? Параша и Яковъ въ ней упомянуты. Зачѣмъ настаиваешь выслать ихъ изъ дому?

— Это совсѣмъ другое! Не спрашивай меня о томъ; пожалѣй объ участи несчастной жены: я завлечена, и должна погнубнуть!

— Это новое! новая тайна! скажи?.....

— Нѣтъ! я не хочу увеличить твоей горести; можетъ статься, напрасно беспокоюсь, а если сбудется, тогда прибѣг-

ну къ твоему великодушію. Ты одинъ остался другомъ и защитникомъ моимъ! Теперь позволь мнѣ удалиться, оплакать мое несчастіе и безразсудность! — «Она вышла, и мы остались въ изумленіи, что записка, составленная на угадъ, оказалась справедлива.

«Долго мужъ ходилъ по комнатѣ, произносилъ отрывистыя, невразумительныя слова, потомъ вышелъ, велѣлъ позвать Парашу съ Яковомъ. — Друзья мои! я виновать передъ вами, хотѣлъ удалить изъ дому брата. Оставайтесь! служите ему по прежнему; я удвою ваше жалованье, не забуду въ духовной: я чувствую, она скоро свершится. Теперь, другъ мой Яковъ, развяжи бездѣльника и отпусти; я не хочу его видѣть.

— Слушаю, сударь! Да не прикажете ли переломать ему руки, или ноги, чтобъ помнилъ домъ нашъ?

— Нѣтъ; за такой поступокъ слѣдуетъ
ответственность.

— За что отвѣчать? Воровъ бьютъ и
плакать не велятъ.

— Яковъ, не тронь, отпусти: онъ не воръ!

— Вотъ новое! Такъ вѣрно еще хуже
вора, когда вы разсердились.

— Ахъ! не мучь меня! ступай! испол-
ни приказаніе.

— Слушаю, сударь. Волю господскую не
хотя исполнишь! — «Онъ вышелъ изъ

комноты, а мы шепнули, чтобъ не спѣшилъ
и далъ намъ случай позабавиться надъ

лазутчикомъ; при томъ самая необходи-
мость требовала задержать его до утра,

чтобъ Шедоній не узналъ о происшед-
шемъ.

«За ужиномъ мы не видали супруговъ;
одинъ Штаркманъ распоряжался всѣмъ,

и, по обыкновенію, выпивъ два стака-
на гроку, отправился почивать, а мы въ

арестантскую. Бѣднякъ лежалъ связан-

ный на полу, и увидѣвъ насъ, вскрик-
нулъ отъ страха.

«Не бойся, пріятель, мы люди доб-
рые; не тронемъ тебя.»

— Милостивый Государь! клянусь всѣ-
ми святыми! я письма не приносилъ,
а только пришелъ вывѣдать у Якова,
гдѣ живетъ дѣвушка Саша. Къ ней
ходить по ночамъ одинъ воспитанникъ;
а записку вѣрно самъ дьяволъ мнѣ под-
сунул!

«А ты знаешь этого господина?»

— Нѣтъ! Шедоній сказалъ, что зо-
вуть его Антоніемъ; увѣрилъ, что онъ
совершенный негодяй и опасный ему
врагъ.

— Мошенникъ! вскричалъ Яковъ, ты
бранишь въ глаза: съ тобою говоритъ
самъ Антонъ Ивановичъ!

— Виновать! милостивые государи —
виновать! простите! — «Онъ приползъ и
цѣловалъ мои ноги.»

«Нѣтъ! мы простить не можемъ»
— Сжальтесь! у меня жена, шестеро дѣтей!.....

«А думалъ ли ты объ нихъ, когда шелъ сюда?»

— Думалъ! Мнѣ обѣщали заплатить щедро, обѣщали деньги. Ахъ! онѣ нужны мнѣ для пропитанія семейства. Виновать! я польстился..... пощадите! бѣдныя сироты!.....

«Пустое! дѣти примутся за твое ремесло.»

«Слишкомъ часъ мы забавлялись надъ лазутчикомъ, и наконецъ объявили ему прощенье, съ тѣмъ, чтобъ онъ оставался смиренно въ коморкѣ Якова до прихода Шедонія, а сами, въ ожиданіи утренней сцены, разошлись по своимъ мѣстамъ.»

Здѣсь Антоць Ивановичъ прервалъ свою повѣсть. Братцы! я такъ зачитался, а вы заслушались, что не замѣтили времени. Вотъ ударило 12-ть часовъ. Теперь

полночь. Эй, прикащикъ! подай водки и закуску! Полно пить вино; не мѣшаетъ хватить покрѣпче. Завтра вечеромъ въ шесть часовъ соберитесь сюда; я стану продолжать повѣсть; она представитъ вамъ забавныя и вмѣстѣ ужасныя сцены.

Напрасно пріатели убѣждали продолжать чтеніе. «Нѣтъ! сказала рѣшительно повѣствователь, языкъ мой обезсиленъ.» — Они опорожили штофъ водки, закусили, вышли изъ погреба. И коварный духъ не допустилъ спокойно окончить путешествіе: онъ взялъ руку Розальма, показалъ себя, и обратился въ медвѣдя огромной величины, сталъ на заднія лапы, заревѣлъ такъ ужасно, что пріатели, оборотясь, увидѣли мохнатого проводника, вскрикнули, пустились бѣжать, и толкая другъ друга, коверкались на землѣ. Тутъ Мафусъ принялъ обыкновенный свой видъ, и спросилъ това-

рища: какъ тебѣ нравится первый опытъ испытанія и повѣсть Антона Ивановича?

— Добрый покровитель мой! что мнѣ отвѣчать? Повѣсть весьма интересна; я замѣтилъ въ ней остроту, и съ нетерпѣніемъ стану ожидать наступающій вечеръ, чтобъ слышать продолженіе. Ты согласенъ?

«Безъ сомнѣнія. Это послужитъ тебѣ къ испытанію сердца человѣка!»

— Относительно же первыхъ предметовъ, то, признаюсь, если всѣ люди подобны видѣннымъ мною въ этотъ вечеръ, то украшеніе извѣстнаго міра не принадлежитъ имъ. Но я заходилъ только въ трактиръ и погребъ, видѣлъ однихъ негодяевъ, а если испытать другихъ, то....

«То увидишь совершенство въ природѣ, получишь прекрасный случай сравнить съ людьми, которыми презираешь; здѣсь многіе слѣдуютъ побужденіямъ дур-

ныхъ склонностей, невѣжеству, пускаются на малыя и большія преступленія; а тамъ, совсѣмъ другое: лесть, утонченное коварство, обманъ, прикрытый благородною оболочкою. Здѣсь съ воромъ поступаютъ просто, безъ затѣй, а тамъ съ учтивостію спрашиваютъ: какъ вы изволили сдѣлать похищеніе? случайно, по ошибкѣ или съ умысломъ? — Здѣсь случайный толчекъ оканчиваетъ дѣло, а тамъ руки не дѣйствуютъ, тамъ изобрѣтены другія средства, тамъ съ видомъ еостраданія, пріятною улыбкою, истребляютъ постепенно и, высосавъ жизненные соки, обливаются слезами подобно крокодилу.

— Мафусъ! Мафусъ! Какое сравненіе? По твоему, всѣ люди изверги, или людодѣды!.....

«Совсѣмъ пѣтъ! Если бъ они обратились въ людодѣдовъ, то давно бы вселенная опустѣла, и они, подобно турухт-

памъ а), дрались до совершеннаго истребленія; но я тебѣ говорилъ, что добро и зло нераздѣльны; есть честные, добрые люди; они не выставляютъ себя; ихъ можно сравнить съ алмазомъ, покрытомъ грубою скорлупою; этой драгоценности одинъ только знатокъ можетъ дать настоящій блескъ и обозначить точную цѣну.

«Волкъ рѣдко нападаетъ на волка: они терзаютъ только овецъ. Такъ и люди злые боятся подобныхъ себѣ, по необходимости сближаются, ненавидятъ себя внутренно — и горе доброму, если онъ попадется между ими! Но окончимъ; теперь поздно, тебя ожидаютъ дома.»

— Карауль! карауль! грабятъ! Ахъ, спа-

а) Эту птицу въ Сибири называютъ морскимъ пѣтушкомъ; они дерутся жестоко между собою, и побѣдитель не долго пользуется торжествомъ своимъ.

сите! раздался женскій голось въ концѣ улицы.

— Мафусъ! Что это? вѣрно разбойники?.....

«Точно! Пять воровъ забрались къ богачу и ограбили домъ до чиста. Все имѣніе заключалось въ наличныхъ деньгахъ и ручныхъ закладахъ; хозяинъ безъ чувствъ лежитъ связанный на полу, а женщина, отъ сильнаго удара, на улицѣ.»

— Ахъ! Мафусъ! побѣжимъ, спасемъ несчастныхъ! тебѣ все возможно!

«Напротивъ; я не въ силахъ имъ помочь! Да если бъ имѣлъ къ тому возможность, то не двинусь съ мѣста.»

— О! ты по врожденной ненависти къ людямъ не хочешь оказать благоволенія! Я прошу, заклинаю тебя! Отдѣли частицу щедротъ, которыми готовишься осыпать меня; отдѣли ихъ несчастному семейству?

«Ты самъ не знаешь, о чемъ про-

сишь! Я не въ силахъ исполнить безразсудное твое требованіе.»

— Хорошо; недалеко будка — я побѣгу, возьму часовыхъ, и на зло тебѣ, спасу, или не допущу грабителей свершить преступленіе.

«Счастливый путь, ступай; не забудь, какъ оптикъ, снять очки; я останусь здѣсь, и посмотрю, чѣмъ кончится героическая твоя добродѣтель!»

Розальма кто то схватилъ за воротъ и началъ тащить; обиженный сталъ защищаться, дѣло пошло на драку! Это случилось весьма натурально — Розальмъ былъ одѣтъ въ старомъ сюртукѣ, въ изношенной шинели, и.....

Мафусъ все видѣлъ и слышалъ; онъ превратился въ десятника.

— Эй! что за шумъ? Ба! ба! товарищъ, за что тащишь моего пріятели?

«Пріятели? Извини! — Я право не зналъ! Только этотъ пріятели большой чудакъ,

вздумалъ посылать меня на пятерыхъ воровъ? Разсуди! всякому своя шкура дорога. Да еще вздумалъ шумѣть и полѣзъ на драку!»

— О! пустое! Онъ вспыльчивъ, не знаетъ нашихъ правилъ; да къ тому же мы не много выпили у погребщика Рюмкина; онъ празднуетъ именины жены — славный малой, что есть въ печи, все на столъ мечи! только плутовать не много, — умѣлъ распорядиться винами; мнѣ и почетнымъ гостямъ наливалъ лучшія, а булочнику Пирожкову, портному Закройкину и другимъ — подонки! Однако жъ поторопись — въ домъ Закладина точно зашли воры, и, кажется, исправно окончили свое дѣло; не ловко, если кража случилась безъ тебя.

Розальмъ отеръ съ лица потъ. «Прекрасно! Я вспомнилъ повѣсть Антона Ивановича, что все на свѣтѣ идетъ къ лучшему.»

«О, ты сердить не на шутку? Переведи духъ и выслушай: этотъ случай долженъ послужить тебѣ урокомъ, чтобъ не судить о предметахъ по одной наружности, не бросаться опрометчиво туда, гдѣ помощь твоя бесполезна, усердіе ничтожно. Такъ, любезный Розальмъ, не все отдано въ произволь случая; есть событія, которымъ назначено непремѣнное исполненіе, время, часъ и самая минута; конечно, если смотрѣть простыми глазами, они могутъ показаться страшны и жестоки, но если бъ взоры чловѣка проникали за непроницаемую завѣсу, если бъ разумъ постигнулъ начало, средину и конецъ предмета, о которомъ судилъ поверхностно, тогда бъ онъ увидѣлъ ничтожность свою и позналъ дѣйствія всевидящаго Провидѣнія!

«Люди, пристрастные, несправедливые часто обращаютъ взоры на ничтожные предметы, отыскиваютъ тамъ зло, гдѣ

одна слабость или ошибка, опорочиваютъ поступокъ болѣе безразсудный, чѣмъ вредный, извлекаютъ тамъ преступленіе, гдѣ мнимый преступникъ можетъ гордиться предъ обвинителями, а существенное зло, унижающее природу и чловѣка.... къ этому злу.... они посмотрятъ на себя и не посмѣютъ прикоснуться! Но тотъ, кто проникаетъ изгибы сердець вашихъ, тотъ, кому открыты дѣла и помышленія, видитъ и назначаетъ черту, при которой злодѣяніе рано или поздно получить достойную награду! Чловѣкъ, въ которомъ ты принималъ участіе, есть злодѣй! Онъ разорилъ брата, сестру, чтобъ воспользоваться одному наслѣдствомъ отца. Достигнувъ своей цѣли, сталъ ростовщикомъ, грабилъ безъ пощады людей, имѣвшихъ въ немъ нужду; состраданіе и честность ему были чужды; накопивъ не позволенными средствами богатство, онъ корпѣлъ надъ золотомъ, и морилъ

голодомъ свое семейство. Давно воры заботились объ его сундукахъ, и въ этой ночи успѣли ограбить человѣка, который грабилъ всѣхъ безъ пощады. Сосѣди сбѣжались къ нему на помощь, освободили отъ веревокъ; онъ не заботился о женѣ и дѣтяхъ, бросился къ сундукамъ, увидѣлъ ихъ пустыми и лишился разсудка; утромъ его отвезуть въ домъ ума лишенныхъ; десять лѣтъ онъ станетъ терзаться, кричать о похищенномъ богатствѣ, десять лѣтъ продлится казнь преступника, и только за два часа передъ смертію онъ получитъ разсудокъ, чтобъ ужаснуться дѣламъ своимъ!»

Тутъ Мафусъ схватилъ за руку Розальма, въ короткое время перенесъ къ жилищу, спустилъ тихонько у воротъ и сказалъ: «Прощай! пользуйся моею дружбою, и не удивляйся переменѣ, которую найдешь въ домѣ. Завтра увидимся.»

Воздушный путешественникъ поступалъ въ калитку; молодой, опрятно одѣтый человѣкъ выбѣжалъ со свѣчкою, и съ учтивостію встрѣтилъ хозяина.

«Кто ты, другъ мой?» спросилъ Розальмъ!

— Вашъ каммердинеръ!

«Каммердинеръ?.....»

— Точно, сударь. Я, лакей, поваръ и кучеръ наняты вашимъ пріятелемъ; мы всѣ получили жалованье за годъ впередъ.

Розальмъ догадался, что это значитъ, вошелъ въ комнаты, увидѣлъ совершенную во всемъ переменъ; онъ не нашелъ пышности и богатства, но простота, опрятность и вкусъ означались во всякой вещи; новая прислуга, отдавъ почтеніе господину, принялась за свое дѣло: кучеръ доложилъ, что четверка лошадей съ каретой и коляскою доставлены исправно; поваръ просилъ удо-

стоит маленькій ужинъ, приготовленный на—скоро; лакей готовился служить у стола.

Розальмъ смотрѣлъ на все спокойно, ничему не удивлялся: онъ въ короткое время видѣлъ и слышалъ столь много, что настоящимъ не приходилъ въ изумленіе, а только въ пріятную заботливость благодарить необыкновенному покровителю. Въ свободномъ расположеніи духа онъ сѣлъ ужинать, выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, отпустилъ услугу, долго разсуждалъ и, мечтая о перемѣнѣ судьбы своей, погрузился въ глубокій сонъ.

КОНЕЦЪ I-ой ЧАСТИ.